

Язык и познание: пострелятивистская исследовательская программа

© 2019

Сергей Юрьевич Бородай

Институт философии РАН, Москва, Россия; sergey_boroday@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу современных тенденций в изучении проблемы влияния естественного языка на когнитивные процессы, а также формулировке новой программы междисциплинарных исследований по теме «язык и познание». Сначала вкратце рассматривается история изучения «гипотезы лингвистической относительности» («гипотезы Сепира – Уорфа»), притом делается акцент на неорелятивистском направлении исследований и на полученных в 1990–2010-е гг. результатах. Затем выявляются слабые места в неорелятивистском проекте и вводятся базовые положения **пострелятивизма** — новой теоретической модели, представляющей собой попытку реконтекстуализации главных идей Б. Уорфа с учетом современных тенденций в лингвистике (неоструктурализм) и когнитологии (посткогнитивизм). Вторая половина статьи посвящена формулированию исследовательской программы по теме «язык и познание». Рассматриваются разные уровни когнитивности (доконцептуальный опыт, перцепция, мышление, философское творчество) и их связь со структурой естественного языка. С опорой на последние открытия в этих сферах намечаются наиболее перспективные с точки зрения автора исследовательские проблемы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвистическая относительность, язык и мышление

Для цитирования: Бородай С. Ю. Язык и познание: пострелятивистская исследовательская программа. *Вопросы языкознания*, 2019, 4: 106–136.

DOI: 10.31857/S0373658X0005709-8

Language and cognition: A postrelativist research program

Sergey Yu. Boroday

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; sergey_boroday@inbox.ru

Summary: This article analyses contemporary trends in the study of how natural language influences cognitive processes, and formulates a new program of interdisciplinary research in the field of language and cognition. The author first briefly examines the history of “the linguistic relativity hypothesis” (“the Sapir–Whorf hypothesis”), focusing on the neorelativist research program and results achieved in the period from 1990 to 2010. Next, the weak points in the neorelativist project are highlighted and the author introduces the fundamental tenets of postrelativism, a new theoretical model that attempts to recontextualize the main ideas of Benjamin Whorf while taking account of contemporary tendencies in linguistics (neostucturalism) and cognitive science (postcognitivism). The second half of the article formulates a research program for the field of language and cognition. Different levels of cognition are considered (pre-conceptual experience, perception, thought, philosophical activity) and their connection with the structure of natural language examined. Relying on the latest discoveries in these fields, the author outlines what he considers to be the most productive research problems.

Keywords: cognitive linguistics, language and cognition, linguistic relativity

For citation: Boroday S. Yu. Language and cognition: A postrelativist research program. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 4: 106–136.

DOI: 10.31857/S0373658X0005709-8

Идея о влиянии **структуры** естественного языка на познавательные процессы (восприятие, память, мышление и др.) имеет давнюю историю¹. Ее довольно четкие формулировки встречаются уже в проходивших в XVIII в. дискуссиях о роли национального языка в складывании картины мира его носителей; в конце XVIII — начале XIX в. она интегрируется в проблематику трансцендентальной философии, что связано с творчеством И. Г. Гамана. Эта посткантианская линия интерпретации получила развитие у В. фон Гумбольдта, а затем и в неогумбольдтианстве (И. Л. Вайсгербер, Й. Трир, Г. Шмидт-Рор и др.), которое в XX в. существовало в интеллектуальном плане достаточно автономно. Другая традиция изучения указанной проблемы, также находившаяся под сильным влиянием Гумбольдта, была заложена в начале XX в. в США, и она связана с именем Ф. Боаса. Боас сделал значительный шаг вперед в изучении проблемы влияния языка на познавательные процессы, поскольку перевел акцент с лексики на грамматику. Концепция Боаса была значительно усовершенствована его учеником Э. Сепиром, который в поздний период своего творчества попытался поставить в центр лингвистической проблематики вопрос о **формальной** составляющей мыслительного процесса; эта формальная составляющая, по его мнению, тесно связана со структурой конкретного языка, так что можно говорить об «относительности форм мышления» [Сепир 1993: 248–258]. Указанный вопрос, находящийся на стыке лингвистики и психологии, был осмыслен как центральный для науки о языке лишь одним учеником Сепира — Б. Уорфом. Основное внимание в своем творчестве Уорф уделил «языковому мышлению» и его зависимости от структуры естественного языка; при этом он признавал наличие «неязыковых» когнитивных способностей и типов мышления, хотя и писал о них не так часто. Уорф разработал антропологический проект, который включает в себя изучение лексико-грамматических систем, культурных ментальностей, высших форм интеллектуальной деятельности (метафизики, философии, науки и др.) и, в конечном счете, «высшего плана бытия». Одним из компонентов указанного проекта является знаменитый «принцип» (но не «гипотеза»!) лингвистической относительности: одни и те же феномены реального мира, уже будучи структурированы универсальными перцептивными механизмами, приобретают новую смысловую организацию в мышлении человека, которое направляется конфигурацией конкретного языка; в результате носители разных в структурном плане языков мыслят и описывают эти феномены по-разному [Whorf 1956: 212–214; 221–222]. Этот принцип смотрится органично в рамках уорфианской теоретической модели, поскольку в центре нее находится проблема языкового мышления и сам принцип касается языкового мышления, а не мышления вообще и тем более не физического мира как такового. Вопреки последующим превратным истолкованиям, Уорф был философским реалистом и сторонником культурного и интеллектуального плюрализма, но никак не крайним релятивистом или лингвистическим солипсистом².

На рубеже 1930–1940-х Сепир, Уорф и Боас ушли из жизни, и с этого времени начинается период реинтерпретации их идей в новом контексте. Наиболее ярким свидетельством этого процесса является Чикагская конференция 1953 г., всецело посвященная концепциям классиков американской лингвистики. На этой конференции была сформулирована «гипотеза Сепира – Уорфа» (или «гипотеза лингвистической относительности») и были сделаны первые шаги к ее операционализации, притом довольно часто творчество классиков

¹ В данной статье кратко излагаются основные выводы монографии автора «Язык и познание: введение в пострелятивизм» [Бородай 2019]; кроме того, намечаются наиболее перспективные, на наш взгляд, направления исследований. Поскольку статья является программной, то некоторые обширные теоретические положения излагаются тезисно и не получают подробного обоснования. В таких случаях мы отсылаем читателя к соответствующей литературе и самой монографии.

² Всесторонняя реконструкция мысли Уорфа представлена в новаторском исследовании П. Ли [Lee 1996]. Ранний период развития релятивистских идей подробно обсуждается в следующих работах [Penn 1972; Koerner 2000; Радченко 2005].

истолковывалось в духе абсолютного релятивизма. Материалы конференции свидетельствуют о том, что даже ближайшие коллеги Сепира и Уорфа были далеки от понимания их идей [Hoijer (ed.) 1954]. Можно выделить шесть основных направлений развития «гипотезы Сепира – Уорфа» в 1940–1980-е гг.: 1) ранние антропологические исследования; 2) операционализация «гипотезы» и ее психолингвистическая проверка; 3) критические исследования; 4) творческая интерпретация в рамках лингвистической антропологии; 5) творческая интерпретация в рамках когнитивной лингвистики; 6) неорелятивизм. Рассмотрим вкратце каждое из направлений³.

1. Релятивистские и структуралистские идеи нашли поддержку у ряда крупных лингвистов из числа представителей школы Боаса (Д. Ли, М. Матхиот, Г. Хойер) и европейских структуралистов (Э. Бенвенист), хотя попытки развить их нельзя назвать слишком успешными, ввиду спекулятивности и недостаточной детальности исследований.
2. Произошла операционализация «гипотезы Сепира – Уорфа», интеграция ее в новый психолингвистический контекст, также появились экспериментальные исследования, направленные на ее верификацию, — все это было связано в ранний период с именем Э. Леннеберга и его ближайших коллег. По сути, они заложили экспериментальную парадигму, которая существенно отличалась от исконных идей Сепира и Уорфа [Lucy 1992: 127–187]. Проведенные в 1950–1980-е гг. с использованием этой методологии эксперименты (Э. Леннеберг, Р. Браун, Э. Рош, П. Кей, В. Кемптон, Дж. Люси и др.) дали противоречивые результаты, однако их основная часть подтвердила наличие корреляции между кодированием цвета в языке и когнитивными способностями носителей языка. Кажущаяся тривиальность результатов (не только в области цветообозначений, но и в других доменах) вкупе с развитием ориентированной на универсализм грамматической и семантической типологии способствовали потере интереса к релятивистским идеям среди психолингвистов.
3. В указанный период также было положено начало дискредитации «гипотезы Сепира – Уорфа» исходя из идеологических соображений и теоретических предубеждений. Основное внимание было сосредоточено на Уорфе. Главная стратегия критиков его наследия состояла, с одной стороны, в приписывании Уорфу «сильной версии» гипотезы лингвистической относительности, согласно которой язык полностью детерминирует мышление и поведение, а с другой стороны, в объявлении «слабой версии» гипотезы, согласно которой язык частично влияет на познавательные способности, чем-то тривиальным и неинтересным в научном плане (стоит отметить, что у Уорфа не было понятия ни о «версиях» гипотезы, ни даже о самой «гипотезе»). Эта стратегия реализована в философских статьях М. Блэка (они оказали основное влияние на то, как впоследствии теория Уорфа осмыслялась профессиональными философами) и в психолингвистических работах Дж. Кэрролла и С. Пинкера [Блэк 1960; Carroll 1963; Пинкер 2004: 47–55]. Занижение научной значимости «слабой версии» гипотезы в 1960–1980-е гг. также в немалой степени было связано с распространением нативистских и универсалистских идей, которые лежали в основе генеративной лингвистики и классического когнитивизма. Как следствие, наиболее интересная и плодотворная критика уорфианства была развита не в США, а в Германии — у неогумбольдтианцев Х. Гиппера и Э. Малотки. Тем не менее и эта критика, имеющая под собой солидный эмпирический фундамент, в значительной степени базируется на неверном истолковании воззрений Уорфа [Lee 1996: 136–142].
4. Наследие Сепира и Уорфа получило новую творческую интерпретацию в рамках лингвистической антропологии. Главную роль здесь сыграл Д. Хаймс, который углубил идеи Уорфа и приспособил их к контексту этнографических исследований; к классической «структурной» относительности он добавил второй тип

³ Также см. информативные обзоры [Hill, Mannheim 1992; Lucy 1992; Leavitt 2006].

релятивизма — относительность употребления языка (это также можно назвать «дискурсивной относительностью»). Он показал, что в разных обществах мы имеем дело не просто с различными языковыми структурами, но с различными реализациями языковых функций и до некоторой степени с различными коммуникативными системами [Хаймс 1975]. Этот тезис получил своеобразное развитие в теории М. Сильверстейна, которая касается метапрагматики, т. е. понимания говорящими природы и категорий их языка [Silverstein 1979]. На обширном эмпирическом материале идеи, относящиеся к области прагматики и касающиеся лингвистической относительности, были также развиты У. Хэнксом [Hanks 1990] и П. Фридрихом [Friedrich 1986]. Несмотря на то что лингвисты-антропологи часто критиковали уорфианский проект за то, что он ограничен уровнем языковой структуры и не касается особенностей использования языка, все же эта критика не совсем справедлива. Подход Хаймса и его последователей нужно рассматривать не как преодоление уорфианского проекта, а как его переосмысление, предполагающее акцент на тех темах, которые содержались в нем, но либо находились на периферии, либо были плохо на тот момент изучены.

5. Под влиянием идей Сепира и Уорфа происходило становление когнитивной лингвистики (Ч. Филлмор, Р. Лангакер, Дж. Лакофф, Л. Талми и др.), хотя это влияние не следует считать единственным фактором. В самом общем плане рождение когнитивной лингвистики в 1970-е гг. можно объяснить неудовлетворенностью формализмом и синтактикоцентризмом генеративной лингвистики Н. Хомского и поиском адекватной семантической теории; сначала этот поиск осуществлялся в рамках генеративной семантики, а затем — под влиянием работ классиков американского структурализма — произошло формирование самостоятельного направления (в данном плане особенно показательна статья [Langacker 1976]). Базовые положения когнитивной лингвистики таковы: 1) критическое отношение к синтактикоцентризму, стремление построить теорию с опорой на семантику; 2) неприятие денотационной трактовки природы значения; 3) рассмотрение языка в тесной связи с другими когнитивными системами, неприятие идеи об автономности языка; 4) понимание лексического и грамматического значения как концептуализации, т. е. убежденность в том, что значение имеет понятийную (в широком смысле) природу. Эти идеи представляют собой прямую антитезу положениям генеративизма [Geeraerts, Cuyskens 2007]. По сути, когнитивная лингвистика является попыткой ресемантизации и реконтекстуализации языка, что сближает ее с изначальным проектом Уорфа, который был ориентирован на то, чтобы «вернуть значение и мышление в лингвистику или увидеть их в качестве проблем лингвистики», цит. по [Lee 1996: 128].
6. В сер. 1980-х гг. зарождается новое направление исследований, известное как неорелятивизм, или неоуорфианство. Это связано со следующими факторами: парадигматический сдвиг в лингвистике, рост популярности функционалистских направлений (в том числе когнитивной лингвистики), развитие лингвистической антропологии и когнитивной антропологии, кризис классического когнитивизма и становление посткогнитивизма, накопление эмпирического материала в психолингвистике, переосмысление наследия Уорфа и реконструкция его теоретической системы. Двумя ведущими представителями неорелятивизма раннего периода являются Дж. Люси и С. Левинсон. Они предложили исследовательские проекты, которые сочетают в себе достижения предшествующих работ и в целом базируются на идее операционализации «гипотезы лингвистической относительности» [Lucy 1992: 263–276; Levinson 2003: 291–325]. Этим объясняются как преимущества, так и недостатки неорелятивизма, притом последние наиболее отчетливо проявились лишь в 2010-е гг. (см. ниже).

Итак, с начала 1990-х гг. в изучении проблемы влияния естественного языка на познавательные процессы главную роль играет **неорелятивистское направление**, которое

объединяет полевых лингвистов, антропологов, психолингвистов и когнитологов. Его лидером является британский лингвист и антрополог С. Левинсон, а научным центром — Исследовательская группа по когнитивной антропологии в Институте психолингвистики Макса Планка в Хеймергене (Cognitive anthropology research group of the Max Planck Institute for psycholinguistics, CARG; в наше время — департамент «Language and cognition» в том же институте). Члены CARG, а также другие исследователи, занимающиеся указанной проблематикой, в 1990–2010-е гг. на широком экспериментальном материале показали, что структура языка оказывает влияние на когнитивные способности человека, притом как в онтогенетической перспективе, так и в режиме реального времени⁴.

Наиболее интересные результаты удалось получить при изучении **пространственной концептуализации** [Levinson 2003; Бородай 2013; Everett 2013: 72–108]. Согласно развитию Левинсоном типологии, в языках мира имеется три основных системы ориентации: абсолютная («север / юг / восток / запад»), релятивная («слева / справа / спереди / сзади») и встроенная («спереди дома / сзади дома» или «у носа чайника / у ручки чайника»). Каждая система разбивается на несколько подтипов, при этом подтипы абсолютной и встроенной системы крайне разнообразны. Основное внимание исследователей было сосредоточено на противопоставлении релятивной системы и абсолютной системы. Релятивные системы широко распространены в индоевропейских языках, но они не универсальны, поскольку во многих океанийских, папуасских и австралийских языках базовую функцию кодирования пространственных значений выполняет абсолютная система. На концептуальном уровне системы несоизмеримы: из предложения *Джон стоит слева от дерева* (релятивная) невозможно вывести, стоит ли Джон к северу, к востоку, к югу или к западу от дерева (абсолютная). Доминирование одной из систем в дискурсе ведет к необходимости кодировать информацию специфическим образом. Чтобы обеспечивать такое кодирование, когнитивные процессы подвергаются специализации. В экспериментальных исследованиях членам CARG и их коллегам удалось показать, что подобная специализация затрагивает категоризацию, умозаключение, распознавание, память, воображение, представление ситуаций, навигационное счисление, способность к различению энантиоморфов, тактильно-кинестетическую модальность, организацию культурного кода и др. [Levinson 2003: 280–291]. Подробнее всего в данном отношении исследованы австралийские аборигены гуугу йимитир, мезоамериканские индейцы целталь и носители европейских языков. Представляется, что здесь мы имеем дело с «крайними» случаями, поскольку в рассмотренных языках явно выражено доминирование одной из систем. Вовлечение дополнительных материалов, касающихся «пограничных» случаев, может углубить наше понимание того, как язык проникает в когнитивные процессы. Например, недавние исследования юкатекского языка показывают, что система ориентации на вербальном уровне не обязательно первична в сравнении с системой ориентации, отраженной в жестах [Le Guen 2011]. Вербальный язык и жестовый язык способны дополнять друг друга в дискурсе, формируя уникальный коммуникативный и когнитивный стиль. Этот пример является хорошей иллюстрацией того, что при анализе всегда лучше обращаться к материалам конкретного языкового сообщества. В результате экспериментов также удалось выявить, что процесс усвоения систем ориентации лингвоспецифичен, а на когнитивном

⁴ См. обобщающие труды [Malt, Wolff 2010; Gomila 2012; Everett 2013; Бородай 2019]. В пользу того, что имеет место влияние **языка** (или **речи**), а не других знаковых систем или культурных факторов, говорят многочисленные прямые и не прямые свидетельства: сравнительный анализ, исключающий значимость прочих культурных факторов; наличие категориального восприятия, соответствующего дистинкциям, проводимым в языке; воздействие вербальной интерференции на выполнение задания; фиксируемая в «вербальных» зонах нейронная активность; результаты неинвазивной стимуляции вербальных зон; когнитивные способности билингвов и др. (объяснение механизма влияния см. в [Бородай 2019: 571–587]). По этой причине альтернативные интерпретации совокупных данных [Pinker 2007: 124–151; Gleitman, Papafragou 2013] представляются неубедительными (кроме того, они страдают избирательностью и теоретическим априоризмом).

уровне первичным является аллоцентрическое кодирование (при таком кодировании началом системы выступает не эго, а внешний объект). Для основных систем ориентации были обнаружены нейронные корреляты, хотя в этой области еще требуются дополнительные исследования.

Другая область, подробно изучавшаяся в 1990–2010-е гг., — это область **цветового восприятия** [Regier, Kay 2009; Roberson, Hanley 2010; Everett 2013: 170–199]. Дискуссия по вопросу о влиянии системы цветообозначений на перцепцию ведется еще с 1950-х гг. Несколько условно исследователей можно разделить на два лагеря — на универсалистов и релятивистов. Универсалисты полагают, что почти каждый естественный язык содержит набор базовых цветообозначений, кодирующих цветовую область. Это утверждение имеет солидное эмпирическое обоснование, которое собиралось на протяжении 40 лет П. Кеем и его коллегами. Однако релятивисты считают, что проект Кея ориентирован не на исследование семантики естественного языка, а на поиск межъязыковых соответствий цветовых фокусов; по их мнению, необходимо создать новую методологию, которая бы учитывала всю пестроту семантических и функциональных особенностей лексем, отвечающих за цветовую референцию [Lucy 1997]. Вероятно, представленные позиции могут дополнять друг друга: методология Кея позволяет выявить некоторые универсалии в цветовой **денотации**, а релятивистский подход способен вскрыть функционирование лексем в рамках **семантической структуры** конкретного языка. Несмотря на теоретические противоречия, и универсалисты, и релятивисты согласны в том, что язык обуславливает категориальное восприятие цвета, т. е. делает возможным более быстрое и четкое различение стимулов из разных цветовых категорий в сравнении со стимулами из одной категории. В недавнее время был обнаружен устойчивый феномен латерализации: категориальное восприятие усиливается в правом визуальном поле, что должно объясняться связью правого визуального поля с левым «языковым» полушарием; однако в ряде новых экспериментов демонстрируется, что правое полушарие тоже вовлечено в этот процесс. Влияние языка на перцепцию подтверждается также многочисленными нейрофизиологическими материалами. Таким образом, в данной области имеется существенный прогресс. В перспективе необходимо уяснить многочисленные детали, касающиеся воздействия языка на перцепцию: каков нейронный механизм этого влияния, насколько глубоко оно проникает в перцепцию, как оно коррелирует с усвоением языка, на какой стадии срабатывает данный эффект и пр. Отметим, что в экспериментальных исследованиях по-прежнему редко участвуют представители экзотических культур.

Неорелятивисты также внесли немалый вклад в изучение проблемы языковой концептуализации **времени** [Sinha et al. 2011; Everett 2013: 109–139; Núñez, Cooperrider 2013]. В этой сфере, по-видимому, отсутствуют абсолютные универсалии, однако здесь можно выделить наиболее распространенные модели. В основе многих моделей лежит метафора **ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ**. В европейских языках она имеет две базовые формы: модель движущегося эго и модель движущегося времени; в обоих случаях будущее видится впереди эго, а прошлое — позади эго. В южноамериканском языке аймара это отношение перевернуто: прошлое находится впереди, а будущее — позади. В ряде языков с абсолютной системой пространственной ориентации течение времени привязано к элементам ландшафта или сторонам света, например: будущее — на западе, прошлое — на востоке; или будущее — наверху холма, прошлое — внизу холма. Тем не менее между доминирующей пространственной системой и темпоральными представлениями отсутствует стабильная корреляция. К тому же используемая в языке темпоральная метафора не всегда получает отражение на когнитивном уровне. Она может сосуществовать с культурными репрезентациями или транслировать их, конфликтовать с ними и проигрывать им конкуренцию, быть чисто языковым фактом, оторванным от культурных представлений. Как и в других областях, влияние языка на понимание времени должно внимательно изучаться в каждой конкретной ситуации, поскольку здесь возможны значительные вариации.

Еще один домен, неплохо изученный в последние три десятилетия, — это область **движения** [Slobin 2003; Strömquist, Verhoeven 2004; Gomila 2012: 61–64]. В первоначальной типологии Л. Талми выделялись сателлитно-обрамленные языки (S-языки), кодирующие информацию о пути в сателлите и освобождающие «ячейку» главного глагола для передачи манеры движения, и глагольно-обрамленные языки (V-языки), кодирующие путь в глаголе и передающие информацию о манере лишь факультативно⁵. В новой типологии Д. Слобина к этим двум видам добавлены эквиполентно-обрамленные языки (Е-языки), кодирующие информацию о пути и манере в одинаковых морфемах. Психолингвистические исследования сосредоточены на различии между S-языками и V-языками: поскольку V-языки кодируют образ действия факультативно, то предполагается, что для носителей этих языков манера движения обладает меньшей когнитивной значимостью, чем для носителей S-языков. В большинстве работ данная идея получает подтверждение. Показано, что манера более значима для носителей S-языков как на лингвистическом, так и на когнитивном уровне: их риторический стиль и воображение богаты манерными глаголами, носители языка чувствительны к тонким дистинкциям в образе действия, большое число манерных глаголов усваивается в дошкольный период, манерные глаголы активно используются в фигуративных выражениях. Обусловленность риторического стиля лексико-грамматическими особенностями языка Слобин назвал «мышлением-для-речи». Впрочем, работы Слобина и его коллег демонстрируют, что различие между S-языками и V-языками затрагивает не только момент речи, но и более глубокие когнитивные процессы. В других исследованиях, однако, получены менее надежные результаты, что говорит о необходимости дальнейшего анализа указанной проблематики.

В рамках неорелятивистского проекта было также обнаружено влияние на когнитивность языковой категории **аспекта** [von Stutterheim et al. 2012]. В исследованиях акцент был сделан на базовом противопоставлении по завершенности / незавершенности действия (например, «сделал» vs. «делал»). Удалось выявить, что носители языков с грамматализованной категорией аспекта демонстрируют риторический и когнитивный стиль, отличный от того, что демонстрируется носителями языков без этой категории. Если первые склонны уделять внимание длящемуся событию, то вторые делают акцент на конечном пункте движения. Это проявляется в мышлении-для-речи, зрительном внимании и памяти. В случае билингвизма предсказать поведение бывает трудно, поскольку может доминировать как модель концептуализации первого языка, так и модель концептуализации второго языка; при этом глубина воздействия второго языка зависит от возраста, когда началось его усвоение. Очевидно, перспективы психолингвистического изучения категории аспекта связаны с привлечением новых материалов и экспериментальной проработкой более тонких дистинкций, встречающихся в языках мира.

Интересные результаты были получены при исследовании когнитивной релевантности **классификаторов** [Gomila 2012: 59–61; Everett 2013: 200–221]. Существующие в языках мира классификационные модели обладают многообразием: они различаются по грамматическому значению, по синтаксическим функциям, по степени обязательности, по частотности и пр. Возможно, именно с этим фактом связаны противоречивые результаты, полученные в психолингвистических исследованиях: выяснилось, что некоторые языки понуждают обращать внимание на форму предмета, в то время как другие требуют проявлять большую внимательность к материалу. Влияние системы классификаторов на когнитивные

⁵ Примером V-языка является французский, ср.: *Le chien est entré dans la maison* «Собака вошла [в] дом». Примером S-языка является английский, ср.: *The dog went into the house* «Собака вошла в дом». Поскольку путь кодируется в S-языках преимущественно с помощью сателлита, то кодирование манеры возможно в главном глаголе. В приведенном высказывании можно сказать как *went into* «вошла в», употребив глагол без спецификации манеры, так и *ran in* «вбежала в», употребив глагол образа действия. Во французском же для конкретизации манеры обычно требуется более сложная конструкция вроде «вошла в дом вбегая».

предпочтения не ограничивается вербальными экспериментами и распространяется на невербальные задания. Однако не следует абсолютизировать это влияние: как показывают материалы по усвоению языка, языковая система опирается на довербальные способности к различению объектов / субстанций, которые могут частично структурироваться ею. Стоит отметить, что, несмотря на полученные в последние годы положительные результаты, выявить в экспериментальных условиях реальную глубину воздействия системы классификаторов на когнитивность в целом проблематично.

Довольно много противоречивых результатов было получено при изучении когнитивной значимости **именных классов** [Everett 2008; Boutonett et al. 2012]. В исследовании акцент был сделан на родовых системах. Удалось обнаружить устойчивое влияние грамматической категории рода на когнитивные предпочтения носителей языка, но характер этого влияния до конца не ясен. В каких-то случаях оно ограничивается уровнем вербальной когнитивности, а в других — распространяется на то, что можно назвать невербальной сферой. Вероятно, противоречивые результаты объясняются совокупностью факторов: сложностью отделения невербального от вербального; многообразием исследованных родовых систем и разным уровнем их семантической мотивированности; дизайном эксперимента, который способен как требовать выражения семантики рода, так и препятствовать этому. Нейрофизиологические материалы говорят о том, что гендерная классификация может быть имплицитно вовлечена во многие сферы когнитивности в качестве «семантического фона», а ее экспликация зависит от экспериментальных условий и конкретного контекста. Перспективы изучения именных классов связаны с привлечением новых материалов, тщательным анализом экзотических систем и более активным обращением к нейрофизиологии.

В неорелятивистский период была впервые поставлена проблема когнитивной релевантности **числительных** [Spelke, Tsivkin 2001; Everett 2012]. Как удалось показать в многочисленных исследованиях, еще до усвоения языка человек обладает двумя системами репрезентации количества: системой для элементарного счета до трех и системой для распознавания больших количеств. Эти системы объединяются благодаря языку, который содержит числовые сигнификаты больше трех. Отсутствие числительных в естественном языке препятствует объединению двух систем, в результате чего говорящие оказываются неспособны оперировать точными числами больше трех. Также было выявлено, что объединению препятствует вербальная интерференция, что является дополнительным свидетельством языкового характера этого феномена; кроме того, процесс объединения двух систем удалось проследить и на нейронном уровне, хотя полученные результаты должны считаться предварительными. Перспективы изучения данной темы связаны с привлечением новых материалов и анализом того, как система числительных влияет на структурирование культурного кода.

В рамках неорелятивистского проекта были исследованы и другие домены, хотя и менее подробно. В области **топологии** удалось показать, что усвоение языка влияет на структурирование концептов: проводимые в семантике дистинкции оформляют представление топологических дистинкций на концептуальном уровне и способствуют повышению чувствительности к одним категориям и понижению чувствительности к другим категориям; притом этот эффект не блокируется вербальной интерференцией [Choi, Hattrup 2012]. В сфере **агентивности** было выявлено, что морфосинтаксические различия в кодировании намеренных и случайных действий влияют на запоминание информации о субъекте действия [Fausey, Boroditsky 2011]. При изучении категории **эвиденциальности** было показано, что грамматикализация этого концепта способствует ранжированию информации в памяти носителей языка [Tosun et al. 2013]. При анализе когнитивной значимости **условных конструкций** были получены неоднозначные результаты, что говорит о необходимости дальнейшего изучения указанной темы [Liscu 1992: 188–256].

К этому следует добавить, что в 1990–2010-е гг. произошли существенные теоретические сдвиги в психолингвистике, антропологии и нейронауке, которые напрямую связаны

с неорелятивистской проблематикой. В этот период получили развитие многочисленные теории, призванные объяснить релятивистские эффекты и место языка в когнитивной архитектуре (П. Каррутерс, С. Пинкер, Э. Кларк, Т. Гомила и др.); на наш взгляд, наиболее последовательными являются модели эмпирического конструктивизма и дуальной когнитивной архитектуры [Gomila 2012]. Эмпирический конструктивизм получил обоснование и при изучении процесса усвоения языка: было показано, что усвоение фонологической системы специфическим образом структурирует слуховое восприятие, и это получает отражение на нейронном уровне [Kuhl 2010]; в области семантики удалось обнаружить как контуры универсального базиса, так и специфическую переработку этого базиса в соответствии с семантической структурой усваиваемой системы [Bowerman 2011]. Исследования билингвизма подтверждают структурирующую роль языка в когниции: билингвы демонстрируют специфический когнитивный стиль, который формируется на основе паттернов концептуализации обоих языков; модель интерференции на концептуальном уровне зависит от ряда локальных факторов и потому не может быть предсказана заранее [Pavlenko 2014]. Нейрофизиологические работы также свидетельствуют об адекватности эмпирического конструктивизма: усвоение языка (как первого, так и второго) способствует реорганизации работы мозга, притом у носителей разных языков обнаруживаются существенные нейронные различия [Klein et al. 2013]. Наконец, стоит отметить, что крайне актуальной выглядит идея о необходимости перехода от лабораторных исследований, стремящихся доказать наличие релятивистских эффектов, к более общей проблематике, в рамках которой изучались бы особенности функционирования языка в когнитивной архитектуре в контексте конкретного социокультурного пространства; эта тема активно обсуждается в когнитивной антропологии [Brown 2006].

Таким образом, главный вывод, который можно сделать из анализа работ неорелятивистской направленности, состоит в том, что вопрос о влиянии языка на мышление и когнитивные процессы не предполагает ответа в форме «да» или «нет». Требуется уточнение по поводу границ языкового (где мы имеем дело с языком, а где — с другими культурными факторами?), ментального (что считать мышлением?), когнитивного (какие процессы имеются в виду?); также в каждом случае необходимо конкретизировать термин «влияние»: означает ли он детерминацию, частичное реструктурирование или модулирование в режиме реального времени. Вероятно, дать четкий и **универсальный** ответ, который бы охватывал **все** области языкового и когнитивного, невозможно. С методологической точки зрения больше востребован «точечный» анализ каждой из областей, который в итоге позволил бы создать синтетическое видение места языка в когнитивной архитектуре. Однако на сегодняшний день мы далеки от этого методологического идеала. Скорее, мы обладаем большим числом разбросанных исследований, касающихся разных областей и языков, и эти исследования позволяют наметить лишь контуры реальной картины. Такая ситуация связана с тем, что несмотря на свои эмпирические и теоретические достижения, неорелятивизм обладает рядом существенных недостатков: 1) сильная зависимость этого направления от психолингвистической трактовки «гипотезы Сепира — Уорфа», заложенной Леннебергом; 2) чрезмерная сосредоточенность на «структурной» относительности и игнорирование других типов релятивизма (например, «дискурсивной» относительности); 3) недостаточная интегральность указанного направления, обусловленная, по-видимому, сильным акцентом на поиске релятивистских эффектов; 4) допущение о возможности четкого разделения когнитивности на «вербальную» и «невербальную» составляющие, что в свете новых данных выглядит проблематичным.

Мы полагаем, что полученные в рамках неорелятивизма эмпирические результаты свидетельствуют о том, что как сосредоточенность на поиске различий, так и имплицитная связь неорелятивизма с психолингвистической традицией Леннеберга должны быть преодолены. Необходимо перейти от «гипотезы лингвистической относительности» к более общему вопросу о месте языка в когнитивной архитектуре, локализованной в конкретном социокультурном контексте. Подобный анализ должен проводиться отдельно для

каждого языкового сообщества, поскольку **роль языка может быть лингвоспецифичной и культурноспецифичной**. Иными словами, нам следует вернуться к интегральной проблематике, которую развивал Уорф. «Назад к Уорфу!» — так может быть сформулирован главный принцип того нового направления, которое мы именуем **пострелятивизмом**. Безусловно, это не подразумевает принятия всех частных концепций, развитых Уорфом, как и не означает возврата к научным парадигмам, доминировавшим в его время. Скорее, речь идет о реконтекстуализации главных проблем, которые были релевантны для теоретической системы Уорфа и оказались проигнорированы в последующий период; такая новая контекстуализация должна происходить с учетом имеющихся в наше время тенденций в лингвистике и когнитологии⁶. Тщательный анализ этих тенденций подводит нас к формулированию следующих базовых теоретических положений пострелятивизма, которые могут быть взяты в качестве рабочей модели для дальнейших исследований⁷:

- **Язык является организацией значимых элементов.** Существует множество подходов к определению языка. Возможен социологический, биологический, философский подход к лингвистической системе, да и многие другие. Каждый из них имеет право на жизнь. Однако главное место должно отводиться когнитивному подходу, т. е. такому подходу, который объясняет психическую реальность языка. Поскольку язык не является автономной, «модулярной» способностью (в смысле [Fodor 1983]), то его следует рассматривать в связи с другими когнитивными системами. В самом общем плане язык может быть понят как организация, или категоризация, значимых элементов. Поскольку эти элементы являются **значимыми**, то язык должен определяться как структура, обеспечивающая категоризацию концептуальных репрезентаций, отражающих внешний опыт. Природа языка не объяснима чисто формальными характеристиками. То, что принято называть формальной системой, или внутренней формой, находится в зависимости от содержания. Не существует формальных признаков, которые можно было бы представить и осмыслить без обращения на каком-то уровне к содержательному или семантическому компоненту. Добавим также, что язык активно вовлечен в процесс отражения внешнего опыта, он не только работает с готовыми репрезентациями, но и способствует формированию оригинальных смысловых пространств.
- **Структура каждого языка уникальна.** Любой естественный язык характеризуется уникальной дистрибуцией значимых элементов. Полноценное определение какой-либо категории языка предполагает обращение к другим категориям, а те, в свою очередь, требуют обращения к прочим категориям и т. д. Отсюда следует, что язык в когнитивном плане может быть приблизительно представлен как система взаимных отсылок и перманентных различий (вспомним соссюрвовское «в языке нет ничего, кроме различий»). Границы внутри такой системы всегда **лингвоспецифичны**. С одной стороны, лингвоспецифичность затрагивает то, как язык взаимодействует с информацией из внешнего опыта, как он оформляет и конструирует смысловую сферу, а с другой стороны, она касается формальных характеристик. К последним относится, например, понятие «слова» и само разделение на морфологию и синтаксис. Лингвоспецифичностью обладает также базовая классификация по частям речи: и границы категорий, и морфосинтаксические признаки, и критерии для выделения — все это зависит от строя конкретного языка. Лингвоспецифичность проявляется и в области формальной грамматичности, лексических систем, дискурса и референции. Суммируя имеющиеся на данный момент материалы, можно сказать, что каждый естественный язык уникален практически во всем. Отметим, что это

⁶ Прежде всего, речь идет о функционализме и неструктурализме в лингвистике и о посткогнитивизме в когнитологии [Croft 2001; Gomila, Calvo 2008; Hengeveld, Mackenzie 2008; Haspelmath 2010].

⁷ Их подробное обоснование см. в [Бородай 2019: 409–607].

утверждение становится результатом доведения до логического конца структуралистского принципа. Подобный подход развивался в школе американского структурализма, однако не всегда последовательно. На данный момент единственной подробной теорией, учитывающей широту типологических вариаций и обосновывающей уникальность структуры каждого языка, является «радикальная грамматика конструкций» У. Крофта [Croft 2001].

- **Концептуальная система является набором перцептивных символов.** В классическом когнитивизме знание, составляющее основной фонд долговременной памяти и выступающее рабочим материалом для высших когнитивных операций, представлялось амодальным, т. е. независимым от сенсомоторных систем. В складывающейся посткогнитивистской парадигме знание, или набор концептуальных репрезентаций, мыслится в тесной связи с сенсомоторной информацией. В наиболее полной современной теории — теории «перцептивных символьных систем» Л. Барсалу [Barsalou 1999; 2008] — репрезентация определяется как зафиксированное сенсомоторное состояние, или **перцептивный символ**. Такой символ имеет общий нейронный субстрат с реальным восприятием и воображением, однако паттерны активации у них нетождественны. Перцептивный символ обладает чертами схематичности и символичности: он отражает лишь каркас ситуации и способен порождать бесконечное число конкретных репрезентаций определенного типа. Организация нескольких символов, или **симулятор**, имеет те же свойства, что и классическая пропозиция: предикатно-аргументную структуру, ограничения на значения аргументов и рекурсивность. Обладая этими свойствами, система способна репрезентировать виды и конкретные экземпляры, осуществлять категориальный вывод, формулировать абстрактные концепты и пр. На нейронном уровне активация симулятора, или **симуляция**, выглядит как возбуждение сенсомоторных регионов через посредство прилегающих к ним конвергентных зон. Модальный характер активации получил многочисленные подтверждения в экспериментальных работах по симуляционной семантике [Meteyard et al. 2012]. Притом, как удалось показать, модальностью обладают не только конкретные значения, но и абстрактные — в том числе грамматические и метафорические — концепты.
- **В субъективном плане симулятор представлен как ментальная модель.** На субъективном уровне набор перцептивных символов имеет вид **ментальной модели**. В процессе формирования ментальной модели задействуются те же механизмы, что и во время воображения, однако нужно учитывать, что воображение является сознательным и детализированным, в то время как ментальная модель нерелексивна и схематична. Субъективный аспект симуляции занимает центральное место в спекулятивных и интроспективных исследованиях когнитивных лингвистов [Рахилина 1998; Скребцова 2011]. Он также анализируется в симуляционной семантике. Экспериментальный материал, собранный специалистами по симуляционной семантике, резюмирован в двух теориях: перцептивную сторону процесса отразил Р. Цваан в своей теории «погруженного воспринимающего субъекта» [Zwaan 2004], а моторный аспект представлен в модели «основанного на моторике языка» А. Гленберга и В. Галлесе [Glenberg, Gallese 2012]. Авторы согласны в том, что активация сенсомоторных систем, выраженная в ментальной модели, не является чем-то эпифеноменальным; напротив, она релевантна для содержания концепта. Таким образом, в посткогнитивистской перспективе концепт мыслится как сложный феномен, включающий имажинативную, нейронную, моторную, перцептивную и аффективную составляющую.
- **Усвоение языка приводит к трансформации когнитивности.** Язык не является просто факультативным дополнением к уже готовой когнитивной архитектуре. Современные данные позволяют говорить о преодолении коммуникативистского взгляда на языковую систему, который был распространен в классическом когнитивизме. В противоположность коммуникативизму, современная версия

конститутивизма утверждает, что усвоение языка существенным образом преобразовывает работу когниции [Gomila 2012]. Исследования хоумсайнеров⁸, младенцев и человекообразных обезьян показывают, что человек имеет врожденный набор базового знания, который связан с низшим уровнем когнитивности. Низшие системы дают ограниченные способности к категоризации, абстрактному мышлению, счету, кондициональному мышлению, пространственной ориентации и др. В процессе усвоения языка формируется дополнительный уровень интеграции информации и контроля, который позволяет преодолеть ограниченность низших систем. В результате человек приобретает способности к точному счету больше трех, пространственной ориентации на основе гетерогенных признаков, метарепрезентации, пониманию чужого сознания, аналогическому мышлению и др.; это дополняется важной процессуальной инновацией — повышением контроля и волевой активности с помощью интериоризированной речи. Стоит отметить, что репрезентативные преимущества сходят на нет или минимизируются в экспериментах с вербальной интерференцией, и это свидетельствует о том, что трансформация заключается не в реструктурировании низших систем, а скорее в **настройке** дополнительного и перманентно активного когнитивного уровня.

- **Язык вовлечен в невербальную когнитивность.** То, что языковая система участвует в порождении и восприятии речи, т. е. в эксплицитной вербальной когнитивности, не вызывает ни у кого сомнений. Теоретики неорелятивизма полагали, что при оценке влияния языка внимание исследователей должно быть сосредоточено на невербальной когнитивности [Lucy 1992: 264]. Однако, как показано в многочисленных экспериментальных работах, «невербальная» когнитивность содержит **вербальный компонент**, но в неявной форме. Об этом говорят следующие факты: во-первых, результаты невербальных заданий существенно меняются в условиях вербальной интерференции; во-вторых, восприятие объектов или ситуаций может предполагать как бы внутреннее «проговаривание» соответствующих сигнификатов; в-третьих, неявная активация сигнификатов отражается на нейронном уровне в виде возбуждения зон, связанных с языком [Luray 2012a]. В свете этих свидетельств в большинстве случаев корректно было бы говорить не о «вербальном» и «невербальном», а об «эксплицитно вербальном» и «имплицитно вербальном». Имплитные вербализации известны в моделях кратковременной памяти как «фонологическая петля» [Baddeley 2012], а в советской традиции — под именем «внутренней речи» [Верани 2010]. **Внутренняя речь** — это синкретичное обозначение, объединяющее целую группу разноплановых феноменов. Как показано в советской психолингвистической школе, имплитная вербальность формируется посредством интериоризации эксплицитной вербальности. Внутренняя речь имеет полную и редуцированную форму. Ее основная глобальная функция заключается в реализации волевого контроля. На базе локальных функций внутренняя речь интегрирована в когнитивные операции: она участвует в анализе, синтезе, категоризации, рассуждении, запоминании, извлечении информации, порождении высказывания и др. Скрытая артикуляция часто сопровождается речедвигательной импульсацией, т. е. сенсомоторной активацией. В формальном плане внутренняя речь представляет собой импинативную симуляцию внешней речи и других знаковых систем. Она, таким образом, наследует особенности родного языка, в том числе его уникальную структуру. Проникая в когнитивность, речь специализирует ее работу, о чем свидетельствуют многочисленные материалы [Соколов 2007].

⁸ Хоумсайнеры (англ. homesigner) — глухонемые люди, не усвоившие ни один естественный язык (в том числе жестовый), но в процессе взаимодействия с родственниками разработавшие собственные модели жестикуляции, которые успешно используются для коммуникации в домашних условиях.

— **Язык специфицирует работу когнитивных систем.** Язык выступает носителем неповторимой организации значений. В формальном плане его можно представить как внутреннюю категоризацию значимых элементов, в семантическом плане — как внешнюю категоризацию опыта и частичное конструирование смысловой области. Поскольку на уровне имплицитной вербальности язык всегда вовлечен в когнитивность, то его категориальная система **оставляет свой след** в общем процессе категоризации («когниция — это категоризация»). Главная особенность внутриязыковой категоризации заключается в том, что язык дает концепту лексический или грамматический статус. Лексический статус подразумевает выделение для концепта лишь одного сегмента в рабочей памяти, более прототипическую активацию и ряд категориальных эффектов [Лируан 2012b]. Грамматический статус предполагает обязательность, схематичность, бессознательность, автоматическое внедрение в ментальные операции и др. [Якобсон 1985: 231–238; Лакофф 2004: 416–417]⁹. Язык перманентно вовлечен в когнитивность в форме внутренней речи, а значит — его уникальная категориальная система оказывает влияние на отдельные процессы. Участие языка в конструировании ментальной модели ведет к лингвоспецифичности симуляции. На европейском материале эта проблема подробно рассмотрена когнитивными лингвистами, которым удалось выявить руководящую роль языка в выполнении герменевтических операций. Многочисленные эмпирические факты свидетельствуют о том, что язык специфицирует память, зрительное восприятие, слуховую модальность, моторную систему, жестикуляцию, воображение, пространственные репрезентации и эмоциональную сферу. Таким образом, содержащаяся в языке имплицитная категоризация затрагивает многие познавательные процессы.

В свете этих положений пострелятивизма мы разработали междисциплинарную исследовательскую программу, которая включает многоаспектный анализ проблемы «язык и познание», притом с учетом современных достижений в этой сфере и с помощью наиболее прогрессивных методов. Ниже представлен набросок этой программы. Тематические вопросы распределены в соответствии с исследуемыми уровнями когнитивности: от «низшего» доконцептуального уровня до «высших» проявлений мыслительной деятельности, таких как философское мышление и системы логики. Стоит отметить, что несмотря на свою многоаспектность, представленная программа, разумеется, не претендует на всеохватность, и она может быть расширена за счет ряда других проблемных областей («язык и наука», «язык и религия», «язык и репрезентация культурного знания», «язык и инструментарий лингвистики» и т. д.).

1. Доконцептуальный опыт

1.1. Телесное взаимодействие с внешним миром, наличие базовых перцептивных и когнитивных систем и сходные пути социализации являются залогом существования доконцептуального опыта и соответствующих когнитивных способностей. Этот опыт именуется «доконцептуальным» («допонятийным») лишь условно, поскольку само определение зависит от того, что понимается под словом «концептуальный» (обязательно ли «концепт» требует рефлексии? возможны ли размытые понятия? и т. д.). В любом случае первичный опыт следует мыслить как **некоторым образом структурированный**. В когнитивной семантике эта идея получила выражение в виде теории кинестетических образных схем (*image schemas*) — к числу таких схем относятся ВМЕСТИЛИЩЕ, ЧАСТЬ–ЦЕЛОЕ, СВЯЗЬ,

⁹ Впрочем, следует оговориться, что различие между лексическим и грамматическим не всегда проводится четко; по-видимому, имеется лингвоспецифичная шкала грамматичности («обязательности»), так что указанное различие нужно мыслить градуально [Плунгян 2011: 60–76].

ЦЕНТР–ПЕРИФЕРИЯ, ВЕРХ–НИЗ, СПЕРЕДИ–СЗАДИ и т. д. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, указанные схемы универсальны, имеют гештальтную природу, формируются в результате работы базовых когнитивных систем и обеспечивают структурирование перцептивного потока информации [Johnson 1987; Лакофф 2004: 351–361]. Другая традиция изучения доконцептуального опыта и когнитивных способностей представлена в психологии развития — в работах С. Керри, Э. Спелке, С. Голдин-Мидоу, М. Боверман и др. Здесь об этом опыте говорится как о базовом знании («core knowledge»); оно мыслится отчасти врожденным, а отчасти формирующимся в ранний период онтогенеза. К этому уровню относятся системы для репрезентации объектов, действий, счета и ориентации в пространстве [Spelke 2003].

1.2. В когнитивной семантике кинестетические образные схемы мыслятся как обладающие довольно абстрактной структурой. Например, схема ВМЕСТИЛИЩЕ представлена как состоящая из элементов ВНУТРЕННЕЕ, ГРАНИЦА, ВНЕШНЕЕ: объект находится или во вместилище, или вне его. Такая абстрактная формулировка позволяет им претендовать на универсальность. Тем не менее эта универсальность должна быть поставлена под сомнение или, по крайней мере, скорректирована.

Во-первых, известно, что формирование абстрактных категорий ВМЕЩЕНИЯ, ПОЛОЖЕНИЯ, ТЕСНОЙ СВЯЗИ и СЛАБОЙ СВЯЗИ происходит у детей в процессе сложного взаимодействия перцептивных систем, игровой деятельности и языковых структур [Choi, Natrup 2012]; хотя категория ВМЕЩЕНИЯ формируется довольно рано и в основном не зависит от типа усваиваемого языка, все же другие категории сильно связаны с конкретными языковыми паттернами, так что постулировать их универсальность проблематично.

Во-вторых, сама формулировка образных схем — как она представлена в когнитивной семантике — может зависеть от структуры английского языка и конвенциональных для него способов выражения. Так, в качестве примера метафорического использования схемы ВМЕСТИЛИЩЕ Лакофф приводит «поле зрения», которое мыслится пространственно, а объекты либо *появляются в нем*, либо *исчезают из него*. Другой пример — отношения между людьми: можно *попасть в ловушку брака* (*be trapped in a marriage*) и *вырваться из нее* (*get out of it*). Образная схема СВЯЗЬ иллюстрируется социальными и межличностными отношениями (*устанавливать контакты, разрывать социальные связи*) и т. д. Учитывая широту типологических вариаций в области метафор, можно себе представить язык, в котором соответствующие метафоры отсутствовали бы. Также вполне вероятно, что построенные с опорой на факты английского языка абстрактные определения образных схем не находят параллелей в других языках, не формулируются в них удовлетворительным образом или просто имеют иную организацию (ср. многократно приводимый в литературе пример с релевантным для корейского языка противопоставлением ТЕСНОЙ СВЯЗИ и СЛАБОЙ СВЯЗИ).

В-третьих, в продолжение предыдущего тезиса можно высказать предположение о том, что в разных культурах (и языковых традициях) образные схемы имеют различную внутреннюю логику, что отчасти объясняется влиянием соответствующих языковых паттернов в ранний период онтогенеза. Если в когнитивной семантике, которая отражает здесь западную традицию, схема ВМЕСТИЛИЩЕ представлена пространственно и выступает базой для законов классической логики (в частности, *Р или не Р*), то в перспективе арабско-мусульманской традиции она может мыслиться не в пространственной, а в процессуальной модели, со всеми вытекающими отсюда следствиями для логики [Смирнов 2015: 159–208]. Дело не просто в иной **концептуализации** того же самого, но именно в **содержательном** различии, поскольку на уровне образных схем конфигурация и содержание с трудом отделимы друг от друга. Кроме того, представляет интерес попытка реинтерпретации эмпирического материала, на котором построена теория образных схем, в свете незападной традиции мысли, что позволит сформировать альтернативную теорию доконцептуального опыта (отчасти это уже сделано в логико-смысловой теории А. В. Смирнова).

1.3. В англо-американской традиции изучения доконцептуального опыта и когнитивных способностей показано, что некоторые компоненты систем базового знания формируются в ранний период онтогенеза под влиянием паттернов конкретного языка:

- **Структура числовых репрезентаций** возникает у детей с опорой на две врожденные системы для представления количества: первая система отвечает за точное представление малых чисел, в частности за точный счет от одного до трех; вторая система служит для репрезентации больших множеств и сравнительной оценки. Эти механизмы являются автономными, и их работа не зависит от варьирования признаков исчисляемых объектов (форма, цвет, положение и пр.). Согласно современным взглядам, усвоение естественного языка, содержащего систему числительных, открывает возможность для осуществления операций с точными числовыми значениями больше трех. Язык выступает посредником в объединении двух систем, в результате чего формируется третья система, опирающаяся на вербальный подсчет. Эта система преодолевает ограничения двух предыдущих структур, синтезируя принципы точности, абстрактности и инфинитезимальности. Носители языков без числительных (или с дефектной системой числительных) оказываются не в состоянии самостоятельно сформировать указанную систему [Everett 2012].
- **Пространственная ориентация** осуществляется у детей на основе геометрических характеристик; компаративные эксперименты с крысами и другими млекопитающими свидетельствуют о том, что этот тип ориентирования производится врожденной универсальной системой, которая извлекает из поступающей информации геометрические характеристики окружающей среды, сохраняет их и исчисляет расстояния, углы и отношения между объектами. Несмотря на свою эффективность, врожденная система навигационного счисления обладает одним существенным недостатком — она оперирует абстрактными отношениями между объектами, не учитывая другие характеристики объектов, которые также могут быть полезны при ориентации. Усвоение языка обеспечивает развитие более гибкого способа пространственной ориентации [Spelke 2003]. Язык позволяет сначала интегрировать информацию из разных систем, а затем использовать эту информацию для навигационного счисления. Благодаря языку, возможна ориентация не только по геометрическим характеристикам, но и по другим признакам.
- **Рассуждение с помощью аналогий** (или **аналогическое мышление**) предполагает определение подобия между объектами или ситуациями на основе внутренней системы отношений. Известно, что все млекопитающие могут выполнять задания, касающиеся соотнесения объектов на базе перцептивных признаков, однако аналогическое мышление, по-видимому, демонстрируют только люди и специально обученные обезьяны. Согласно гипотезе, разработанной Д. Джентнер и ее коллегами [Gentner 2003], развитие аналогического мышления в период от двух до пяти лет стимулируется усвоением реляционных обозначений, т. е. слов, кодирующих отношения между объектами, участниками или ситуациями.
- **Мышление о мышлении** (или **метарепрезентация**) и **понимание чужого сознания** также развиваются в процессе усвоения языка и под его непосредственным влиянием [Clark 2008: 58–59; de Villiers J., de Villiers P. 2009].

Представленные исследования (за исключением работ по структуре числовых репрезентаций) в эмпирическом плане опираются на эксперименты с носителями европейских языков, чаще всего английского языка. Это подталкивает авторов к тому, чтобы универсализировать полученные результаты. Между тем разные языки могут оказывать различное влияние на когнитивность в процессе онтогенеза. Это хорошо видно на примере структуры числовых репрезентаций: языки без системы числительных или с дефектной системой числительных (например, пираха, амундава) не позволяют сформировать третью систему для вербального подсчета, что проявляется в неспособности их носителей к точному счету больше трех. Более детальное и разностороннее изучение того, как лексические,

морфосинтаксические и дискурсивные особенности конкретных языков связаны с трансформацией когнитивности в процессе онтогенеза, позволит, вероятно, пересмотреть многие универсалистские идеи психологии развития.

1.4. Таким образом, некоторые универсалистские положения о природе доконцептуального опыта и ранних когнитивных способностей, высказанные в когнитивной семантике и англо-американском направлении психологии развития, нуждаются в пересмотре. Это может быть сделано путем углубленного изучения взаимосвязи языка и познания в ранний период онтогенеза. Приоритетом обладают следующие направления исследования:

- 1) изучение зависимости формирования образных схем от структуры конкретного языка;
- 2) переформулирование концепции образных схем в свете типологии языков;
- 3) изучение характера образных схем у носителей неевропейских языков и культур;
- 4) поиск альтернативной теории доконцептуального опыта, которая бы объединяла в себе универсальное и относительное;
- 5) детальное и разностороннее изучение того, как лексические, морфосинтаксические и дискурсивные особенности конкретных языков связаны с трансформацией когнитивности в процессе онтогенеза (т. е. при переходе от врожденного багажа к воплощенной в конкретной культуре когниции).

2. Перцептивные и когнитивные системы

2.1. Паттерны языка двояким образом вовлечены в познавательный процесс: с одной стороны, они реструктурируют врожденные и рано формируемые когнитивные системы; с другой стороны, они модулируют (регулируют) работу этих систем в режиме реального времени. Судя по современным исследованиям, второй тип воздействия, который можно «отрегулировать» путем вербальной интерференции, неинвазивной стимуляции мозга, специфического прайминга и другими способами, является более значимым и распространенным. Перспективы изучения вовлеченности языка в когнитивность зависят от осмысления полученных на данный момент результатов, касающихся долговременной памяти, воображения, зрительного восприятия, слухового восприятия, моторной системы, жестикуляции и репрезентации пространства. Во всех случаях обнаруживается влияние паттернов языка на функционирование перцептивных и когнитивных процессов, что опровергает модулярную теорию Дж. Фодора [Fodor 1983] в ее классическом виде.

2.2. Содержание долговременной памяти зависит от структуры языка по той причине, что эта структура воздействует на селективное внимание, которое ответственно за фокусировку на определенной информации и ее последующее сохранение. В процессе конвертации в перцептивные символы информация частично проходит через «сито» категоризации, воплощенной в структуре языка. Этот тезис получил подтверждение в исследованиях по системам пространственной ориентации [Levinson 2003], цветообозначениям [Roberson et al. 2000], числительным [Everett 2013], аспекту [von Stutterheim et al. 2012], агентивности [Fausey, Boroditsky 2011], эвиденциальности [Tosun et al. 2013]. Более сложные и запутанные результаты были получены при изучении именных классов и классификаторов, что может объясняться рядом факторов, в частности низкой когнитивной выделенностью этих категорий.

2.3. Воображение зависит от структуры языка как в процессуальном, так и в содержательном плане. В когнитивной лингвистике убедительно показано, что паттерны языка руководят имагинативным процессом. На основе этого можно утверждать, что усвоение языка ведет к **имагинативному реструктурированию**, т. е. к реорганизации пространства воображения в соответствии с устройством родного языка. Тем не менее указанный феномен исследован еще довольно слабо, и о нем можно судить лишь по косвенным данным. Например, о нем свидетельствуют отчеты носителей языков с абсолютной системой пространственной

ориентации об их имажинативном и сновидческом опыте [Wassmann, Dasen 1998: 700–701; Levinson 2003: 144–145]; здесь также стоит упомянуть интроспективные замечания и филологические исследования, касающиеся домена движения: носители сателлитно-обрамленных языков (S-языки) обладают более богатым и детализированным представлением манеры движения, чем носители глагольно-обрамленных языков (V-языки) [Slobin 2003].

2.4. Зрительное восприятие зависит от структуры конкретного языка по той причине, что активация слова, содержащего визуальный семантический компонент, возбуждает нейронные зоны, непосредственно вовлеченные в восприятие референта, или прилегающие к ним области, и это ведет к искажению пространства восприятия. Примеры такого «категориального искажения» обнаружены в многочисленных исследованиях последних лет. В области изучения цветообозначений оно известно как «категориальное восприятие цвета»: более быстрое различение тонов из разных категорий, чем из одной категории; оно также проявляется в большей когнитивной выделенности лексикализованных категорий [Kay, Kempton 1984; Winawer et al. 2007]. Примечательно, что этот феномен является более устойчивым в правом визуальном поле, а иногда и вовсе ограничивается этим полем [Gilbert et al. 2006], что объясняется связью правого визуального поля и левого «языкового» полушария мозга. Категориальность восприятия обнаруживается также при работе с разнообразными физическими стимулами: наличие в языке лексикализованного концепта способствует сближению элементов внутри категории, четкому противопоставлению данной категории другим категориям, акцентированию «лучшего представителя» категории, акцентированию типичных для категории признаков и др. Как показано Г. Лупианом и его коллегами, лексический сигнификат облегчает зрительную идентификацию стимулов, позволяет распознать стимул, который до этого не воспринимался, а также способствует более прототипической активации концепта [Lupyan 2012b]. На основе этого можно предполагать, что языки с разными лексическими системами специфическим образом модулируют визуальное восприятие в режиме реального времени.

2.5. Слуховое восприятие обусловлено фонологической системой конкретного языка. В многолетних исследованиях П. Куль и ее коллег демонстрируется эффект перцептивного притяжения, согласно которому фонологическая система языка структурирует слуховое пространство таким образом, чтобы оно было лучше приспособлено к различению фонологических противопоставлений, релевантных для данного языка, и менее чувствительно к нерелевантным противопоставлениям [Kuhl 2010]. Реструктурирование слухового восприятия происходит в первый год жизни ребенка. В возрасте до шести месяцев младенцы еще способны распознавать практически все фонетические противопоставления, однако в возрасте 10–12 месяцев их слуховое пространство уже организовано в соответствии с фонологией родного языка. Начиная с этого периода носители языка демонстрируют устойчивые категориальные эффекты в акустической сфере. Процесс реструктурирования получает отражение и на нейронном уровне.

2.6. Моторная система многочисленными связями переплетена с паттернами родного языка. Прежде всего, это касается артикуляции. Подобно слуховой системе, артикуляционная система реструктурируется в соответствии с фонологией родного языка. Следствием этого является лингвоспецифичность **имплицитных вербализаций** («внутренней речи»). В ряде исследований по симуляционной семантике демонстрируется, что активация моторной системы происходит под руководством родного языка, хотя в большинстве работ рассматриваются только конкретные значения и в них отсутствует межъязыковой анализ [Zwaan et al. 2010]. Также показано, что активация моторной системы происходит при обработке предложений с фиктивным движением [Matlock 2010] и метафорическим движением [Miles et al. 2010]. Моторная лингвоспецифичность проявляется также в том, что носители разных языков демонстрируют различные паттерны зрительного внимания, о чем свидетельствуют эксперименты с использованием айтрекера [Huettenlocher et al. 2012; von Stutterheim et al. 2012].

2.7. Жестовая система постоянно взаимодействует с вербальной системой, и направление влияния здесь не является односторонним. Воздействие вербального языка

на жестикуляцию лучше всего изучено в сфере пространственной семантики. Известно, что доминирующая в дейктических жестах система ориентации, как правило, отражает систему ориентации, доминирующую в разговорном языке [Levinson 2003: 244–271; Majid et al. 2004]. Носители языков с абсолютной системой производят жесты, точно указывающие на положение объекта в соответствии с фиксированными направлениями; абсолютная жестикуляция часто сопровождается размашистыми жестами, в которые вовлечена вся рука, при этом ее использование предполагает способность к навигационному числению. Релятивная жестикуляция, напротив, опирается на точку зрения наблюдателя; она охватывает только визуальное поле говорящего; жесты такого типа являются сдержанными и ограниченными в пространстве. Однако отмечаются и более сложные случаи: так, в юкатекском языке абсолютная жестикуляция дополняет разговорный язык, в котором отсутствует систематическое кодирование пространственных отношений [Le Guen 2011]. На основе этого и других исследований можно заключить, что языковая система обычно специфицирует работу жестовой системы, однако имеются более сложные интеракционные модели, а также случаи обратного воздействия, поэтому каждая ситуация заслуживает особого рассмотрения.

2.8. Репрезентация пространства отчасти является врожденной, а отчасти формируется под влиянием паттернов языка и других факторов. Подобно другим млекопитающим, люди склонны кодировать проективные отношения аллоцентрически, т. е. с помощью системы отсчета, началом которой выступает внешний объект, а не наблюдатель. Однако усвоение естественного языка вносит корректировку в представление пространственных отношений. Носители языков, в которых доминирует эгоцентрическое кодирование, т. е. релятивная система референции, представляют отношения эгоцентрически. Носители же языков с доминирующей абсолютной или встроенной системой мыслят пространственные отношения аллоцентрически [Majid et al. 2004]. При этом развитие пространственных репрезентаций в онтогенезе обусловлено структурой усваиваемого языка: в зависимости от языка, сначала может развиваться или встроенная, или абсолютная система, а позднее — релятивная [Dasen, Mishra 2010]. Следует учитывать, что репрезентация пространства не является автономной способностью, и вариации в этой сфере влияют на другие когнитивные операции: память, воображение, рассуждение, умозаключение, навигационное счисление пути и пр. [Levinson 2003: 280–291].

2.9. Здесь рассмотрены далеко не все перцептивные процессы и когнитивные операции, которые находятся под постоянным воздействием паттернов родного языка. Перспективы изучения вовлеченности языка в когнитивность в связи с конкретными процессами напрямую зависят от расширения полевых исследований и включения в них большего числа «экзотичных» языков. Совсем не изучена специфика вовлеченности в когнитивность языков полисинтетического типа, что позволяет говорить о необходимости формирования целой сферы «полисинтетической когнитологии» (в то время как известная когнитология может быть определена как «аналитическая и синтетическая»). В этом контексте также особый интерес представляют редкие или экзотичные грамматические категории, такие как разветвленные системы эвиденциальности, подробно градуированные модели абсолютного времени, феномен субстантивного времени, сложные дейктические и классификационные системы, нетривиальные стратегии кодирования глагольных актантов и т. д. [Плунгян 2011]. Эти категории хорошо известны из грамматической типологии, однако их связь с перцептивными процессами и когнитивными системами почти не изучена.

3. Мышление

3.1. Определение «мышления» представляет сложность. В когнитивной науке под ним подразумевается центральный процесс, в котором происходит интеграция информации

из перцептивных и других когнитивных систем. Однако природа этого процесса остается неясной. Основное противоречие имеет место между сторонниками вычислительного подхода («классический когнитивизм») и сторонниками телесного подхода («посткогнитивизм», или *embodied cognition framework*): в первом случае мышление представлено как оперирующее амодальными символами, напрямую отражающими структуру внешнего мира; во втором случае мышление представлено как оперирующее концептами, фундаментальными в сенсомоторных состояниях. Фактически оба течения лишь намечают общий исследовательский контекст, не объясняя **механизм** мышления как такового. На данный момент совокупные экспериментальные свидетельства говорят в пользу умеренных форм посткогнитивизма [Gomila, Calvo 2008]. При этом сам посткогнитивизм, будучи неоднородным и массовым течением, предлагает серию перспектив, объединенных рядом общих тенденций: понимание важности телесной конституции для высших когнитивных процессов (*embodied cognition*), признание ситуативности и контекстуальности когнитивности (*embedded cognition, situated cognition*), распределенного и социального характера когнитивности (*distributed cognition*), неразрывности эмоциональной и ментальной составляющих (*emotional cognition*)¹⁰.

Высшие процессы, в том числе мышление, оперируют **концептами**, которые в наиболее детальной посткогнитивистской теории — теории перцептивных символьных систем Л. Барсалу — определяются как набор перцептивных символов, или зафиксированных сенсомоторных состояний [Barsalou 1999]; об этом уже шла речь выше. В теории перцептивных символьных систем образная составляющая мышления («ментальная модель») дополняется вербальной составляющей, или имплицитными вербализациями («внутренняя речь»). Несколько модифицируя указанную теорию, можно сказать, что в когниции происходит постоянное взаимодействие этих двух составляющих. Ментальная модель и имплицитные вербализации реализуются на основе общего механизма: имажинативной субституции реального восприятия; по сути, симуляционная система в широком смысле включает и то и другое. Однако активация вербальных репрезентаций имеет функциональную специфику: она не является самодостаточной и распознается в общей архитектуре как **знак**, т. е. как особое указание на перцептивный символ, как призыв к активации этого символа. В результате имплицитные вербализации посредством обратной связи оказывают влияние на структуру и содержание ментальной модели. Имплицитные вербализации как бы перманентно модулируют, искажают ментальную модель. Этим должно объясняться влияние паттернов языка на рабочую память и мышление, и с этим механизмом связаны перспективы изучения вовлеченности языка в мыслительный процесс.

3.2. Зависимость структуры и содержания ментальной модели от паттернов языка рассмотрена в исследованиях когнитивных лингвистов (Дж. Лакофф, Л. Талми, Р. Лангакер, Ж. Фоконье, У. Крофт и др.). Указанные авторы продемонстрировали, что конструирование ментальной модели в рабочей памяти, или процесс **концептуализации**, направляется серией герменевтических операций (*construal operations*): соотнесение фигуры и фона, обрамление, динамичность, реляционность, отображение, категоризация, гнездование и др. [Croft, Cruze 2004: 40–73]; притом герменевтические операции в целом могут быть охарактеризованы как имажинативные субституты механизмов реального восприятия. Несмотря на достижения когнитивной лингвистики, это направление остается преимущественно англоцентричным, что обусловлено методологией исследования: в ее основе

¹⁰ Эти идеи, представленные в посткогнитивизме как «открытия», в действительности подробно разрабатывались в феноменологической философии, в частности у Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти и О. Финка. Их игнорирование классическим когнитивизмом обусловлено тем, что формирование этого направления происходило под сильным влиянием аналитической традиции мысли, принесенной в США из Европы в сер. XX в. Ее влияние не ослабло и по сей день, поэтому, вероятно, плодотворной была бы попытка произвести критический анализ предположений когнитологии в свете теоретических наработок феноменологической философии.

лежит интроспективное наблюдение над тем, как родной язык управляет герменевтическими операциями. Насущной задачей является распространение инструментария и подходов когнитивной лингвистики на неиндоевропейский материал. Для этого необходимо, с одной стороны, продумать методологию когнитивной лингвистики таким образом, чтобы она допускала продуктивную работу с информантом-билингвом и элементы интроспективного подхода; а с другой стороны, расширить имеющийся инструментарий с опорой на факты неиндоевропейских языков. Фактически речь идет о всестороннем полевом изучении механизма конструирования ментальной модели в сознании носителя экзотического языка; иными словами, предполагается анализ динамического воплощения семантической организации языка. Такое исследование может быть дополнено экспериментами, взятыми из арсенала симуляционной семантики. В перспективе оно должно позволить ответить на следующие вопросы: Как мыслительный процесс зависит от длины типичного слова в данном языке? Как он зависит от лингвоспецифичных частей речи и операций номинализации и акционализации? Какие смысловые оттенки вносит инкорпорация? В чем разница между репрезентацией субъекта в языках номинативного, эргативного и активного строя (на мыслительном уровне)? И т. д.

3.3. Важным достижением когнитивной лингвистики стало рассмотрение **метафоры** в качестве активного понятийного механизма. В теории концептуальной метафоры утверждается, что многие абстрактные концепты, которыми оперирует мышление, построены путем отображения когнитивной структуры источника на когнитивную структуру цели; как правило, источник имеет черты конкретности и упорядоченности, а целевая область характеризуется абстрактностью и размытостью [Лакофф, Джонсон 2004]. В исследованиях по симуляционной семантике демонстрируется, с одной стороны, что обработка абстрактного концепта, построенного путем метафорической проекции, ведет к активации сенсомоторных систем, связанных с исконной областью источника, а с другой стороны, что активация сенсомоторных систем облегчает последующую обработку абстрактного концепта. Так, например, в работе [Wilson, Gibbs 2007] показано, что скорость реакции на предложение зависит от совместимости предшествующего действия и употребленного в предложении глагола. Реакция на предложения, содержащие метафору ПОНИМАНИЕ — ЭТО СХВАТЫВАНИЕ (*Я схватил эту мысль*), является более быстрой в том случае, когда предшествующее действие предполагает схватывание чего-либо. Эффект исчезает, если предшествующее действие не соответствует глаголу, употребленному в метафорическом значении. Таким образом, активация моторной системы (как при реальном действии, так и с помощью воображения) облегчает последующую обработку метафорического значения, что свидетельствует о модальной основе соответствующей семантической репрезентации. Иными словами, имеет место перманентная двусторонняя связь *перцепт* <=> *концепт*.

Это означает, что конвенциональные для конкретного языка метафоры способны оказывать влияние на характер ментальной модели и на мыслительный процесс в целом. Например, возможность формулировки *Я схватил эту мысль* понуждает носителя русского языка к активации моторной системы при обработке данного предложения; но если в языке недоступна подобная формулировка (т. е. отсутствует метафора ПОНИМАНИЕ — ЭТО СХВАТЫВАНИЕ), то в этом контексте не будет доступна соответствующая симуляция. Здесь также необходимо добавить, что метафоричность многих концептов имплицитна и что определенные сенсомоторные состояния посредством метафорической ассоциации неявно увязываются с определенными концептами. Так, в статье [Lee, Schwarz 2012] демонстрируется, что наличие в английском языке метафоры ПОДОЗРИТЕЛЬНОЕ ИМЕЕТ ЗАПАХ РЫБЫ (ср. англ. *something smells fishy* «это вызывает подозрение», букв. «попахивает рыбой») проявляется в обострении чувствительности к рыбному запаху после активации концепта подозрительности. Учитывая подобные нетривиальные взаимодействия между языком, модальными системами и мышлением, можно предполагать, что каждое языковое сообщество является носителем уникальной

интерактивной структуры, в которую неявно вплетены многочисленные конвенциональные метафорические отображения. Перспективы изучения этой темы связаны с расширением языкового материала и экспериментальной проверкой влияния языковых метафор на мыслительный процесс.

3.4. Важный аспект мыслительного процесса составляют имплицитные вербализации. Можно выделить три независимых исследовательских направления, в которых они получили детальное рассмотрение: 1) гипотеза Г. Лупиана об обратной связи сигнификата, из которой следует, что во время восприятия феномена на бессознательном уровне активируется номинация этого феномена, что ведет к нисходящей категоризации — эта категоризация отражается в кратковременном искажении пространства восприятия [Луриан 2012a]; 2) модель рабочей памяти А. Бэддели, в которой имплицитные вербализации связываются с механизмом фонологической петли, отвечающим за удержание вербальной информации и ее перевод в долговременную память [Baddeley 2012]; 3) изучение внутренней речи в рамках советской и российской психолингвистической школы, т. е. «традиции Выготского» [Верани 2010]. Наиболее подробно имплицитные вербализации были рассмотрены именно в советской школе. Как было показано ее представителями, внутренняя речь является скрытой вербализацией, которая формируется в процессе интериоризации языка и других знаковых систем. Результатом интериоризации становится образование качественно новой когнитивной архитектуры, в которой большинство процессов протекает при непосредственном участии внутренней речи. Основная глобальная функция внутренней речи состоит в реализации волевого контроля. Функции, связанные с ментальными операциями, касаются анализа, синтеза, рассуждения, запоминания, извлечения информации и др. В зависимости от сложности и характера задания, внутренняя речь может иметь как редуцированную, так и развернутую форму. По всей видимости, элементы внутренней речи фиксируются в редуцированной форме даже при восприятии и наглядно-образном мышлении. В результате многолетних исследований таким представителям советской школы, как Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, А. Н. Соколов, Н. И. Жинкин, Е. И. Бойко и др., удалось создать крайне интересные и экспериментально обоснованные теории о вовлеченности языка в мыслительный процесс. Впрочем, в этих теориях, как правило, не рассматривается проблема лингвоспецифичности. Перспективы изучения взаимодействия внутренней речи и мышления связаны, с одной стороны, с анализом этих теорий и интеграцией полученных результатов в более широкий философский и когнитологический контекст, а с другой стороны, с разработкой тезиса о лингвоспецифичности внутренней речи и ее функций.

3.5. Вероятно, мышление характеризуется рядом универсальных базовых операций, которые отчасти опираются на структуры доконцептуального опыта («образные схемы» и пр.), а отчасти — на **механизмы** мыслительного процесса как такового. Характер этих механизмов (как и само их существование) является дискуссионным. В когнитологии их пытаются связывать с рассуждением (reasoning) и логическими операциями [Holyoak, Morrison 2012]. Если эти механизмы существуют, то само функционирование языка отчасти основывается на них. Следовательно, об их характере можно судить с помощью комплексного анализа языковых универсалий, тенденций в организации морфосинтаксиса и семантики, путей грамматикализации и лексикализации, направленности семантических переходов и др. (ср. масштабные проекты Н. Хомского, А. Вежбицкой, Р. Якобсона). С другой стороны, может оказаться, что базовые механизмы мыслительного процесса зависят от факта усвоения языка и от структуры усваиваемого языка; в таком случае носители разных в структурном плане языков должны демонстрировать когнитивные различия в данной сфере. Изучение кондиционального мышления (*если P, то X*) носителей английского и китайского языков, проводившееся в кон. 1980-х — нач. 1990-х гг., является примером сравнительного исследования такого типа [Lucy 1992: 188–256]. Несмотря на то что результаты оказались противоречивыми, это не должно бросать тень на саму идею подобного исследования.

3.6. Таким образом, проблема «язык и мышление» включает в себя несколько масштабных вопросов, что обусловлено многоаспектностью и интегральностью мыслительного процесса. На данный момент приоритетом обладают следующие исследовательские направления:

- 1) всестороннее полевое изучение механизма конструирования ментальной модели в сознании носителя экзотического языка, т. е. вопроса о том, как конкретный язык руководит герменевтическими операциями и как это отражается на ментальной модели; данный тип исследования потребует пересмотра и расширения инструментария когнитивной лингвистики и симуляционной семантики;
- 2) изучение воздействия языковых метафор на мыслительный процесс в свете типологии языков;
- 3) анализ советских теорий внутренней речи и интеграция полученных в советское время результатов в более широкий философский и когнитологический контекст;
- 4) развитие идеи лингвоспецифичности внутренней речи и ее функций на конкретных материалах;
- 5) поиск механизмов мышления как такового на основе анализа языковых универсалий, тенденций в организации морфосинтаксиса и семантики, путей грамматикализации и лексикализации, направленности семантических переходов и др.;
- 6) изучение зависимости базовых механизмов мышления от структуры конкретного языка;
- 7) разработка интегральной теории мышления в свете полученных данных;
- 8) пересмотр теоретических допущений когнитивизма и посткогнитивизма (или их более глубокое продумывание) в свете философских течений, подчеркивающих телесность и ситуативность познания, в частности феноменологического направления (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти и др.).

4. Философия

4.1. В контексте представленной модели предполагается **частичная** зависимость процесса философствования (как одного из высших видов мыслительной деятельности) от лексико-грамматических паттернов конкретного языка. Это ничего не говорит нам о **природе** философии или о **правильности** какой-то конкретной философии. Речь идет лишь о том, что мыслитель не может быть свободен от вышеописанной телесной, перцептивной и когнитивной конституции, которая (предположительно) является универсальной. Безусловно, эта позиция не лишена онтологических предубеждений, которые могут быть подвергнуты деструкции, однако в рамках данного проекта предлагается принять ее в качестве **рабочей модели** для дальнейших исследований. Итак, из этой рабочей модели следует, что философия всегда рождается и развивается в конкретном социокультурном и историческом контексте, и она несет на себе его печать. Важным фактором, формирующим этот контекст, является язык. Кроме того, многочисленные свидетельства указывают на то, что в философствование, как и во многие другие типы мыслительной деятельности, активно вовлечены имплицитные вербализации («вербальное мышление»), а значит, здесь релевантна и модулирующая функция языка. Язык — понятий максимально широко (и фонологически, и лексически, и морфосинтаксически, и дискурсивно) — это та стихия, в которой происходит философствование. В связи с этим можно высказать два тезиса: 1) как правило, философская терминология восходит к понятиям естественного языка и часто сохраняет в себе их оттенки; 2) ход философской мысли частично зависит от лексико-грамматических структур конкретного языка. Перспективы изучения проблемы взаимодействия естественного языка и процесса философствования касаются именно этих двух утверждений.

4.2. Укорененность философской лексики в естественном языке (в том числе в повседневных способах его использования) не вызывает сомнения. Достаточно посмотреть на генезис таких понятий, как λόγος, ἰδέα, σοφία, τέλος, ὕλη, φύσις и др. Процесс развития философского дискурса сам по себе представляет огромный интерес. В этом плане образцовым исследованием является «История античной эстетики» А. Ф. Лосева [1994]. Как демонстрирует Лосев, конкретная лексема должна рассматриваться не только в контексте ее употребления в философских трудах, но и с учетом бытового дискурса и типичных грамматических оборотов, в которых она появляется. Кроме того, в некоторых случаях необходимо рассматривать форму слова и связь этой формы с другими корнями — вплоть до созвучия. Также зачастую необходим комплексный анализ семантики слова, т. е. с учетом смысловых связей с другими словами, — это так, поскольку в психолингвистическом плане активация лексем предполагает явную или неявную активацию целой смысловой сети [Лурия 1979: 29–31]. Таким образом, перспективы изучения укорененности философской лексики в естественном языке и процесса ее специализации многообразны, притом в исследовательском плане особый интерес представляют те «пограничные» случаи, когда слово уже стало частью философского дискурса, но еще не выделилось из бытового употребления настолько, чтобы превратиться в чисто технический термин, потерявший свои образные и метафорические оттенки (ср. ситуацию с платоновскими ἰδέα / εἶδος, гераклитовским λόγος и др.).

4.3. Связь естественного языка и процесса философствования интересно рассмотреть и в контексте тезиса о наличии в каждом естественном языке **имплицитной метафизики**. Эта идея подразумевалась в гумбольдтианском и неогумбольдтианском понимании языка как «срединного мира» и особого мировидения (Weltanschauung) [Радченко 2005]. Однако подробную эмпирическую и теоретическую проработку она получила лишь в психолингвистическом проекте Уорфа [Whorf 1956: 57–64; 134–159]. Сопоставляя лексико-грамматические паттерны и конвенциональные способы использования английского языка (и вообще европейских языков) и юто-ацтекского языка хопи, Уорф пришел к выводу о том, что в хопи отсутствует объективация субъективного чувства протяженности во времени («опозднения», *latering*), и это проявляется в отсутствии квантификации темпоральных выражений, пространственных метафор времени и трехчленной системы времен в глагольной морфологии; паттерны же английского языка, напротив, подталкивают к объективации и исчислению времени. Данный тезис получил развитие в виде более масштабного утверждения о том, что каждый язык содержит имплицитную метафизику, которая формировалась на протяжении длительного периода и отражает взаимодействие социума с природой, культурные модели и пр. Носитель языка может как опираться на эту метафизику в своей интеллектуальной деятельности, так и преодолевать ее. Неогумбольдтианские и уорфианские идеи были развиты в отечественной традиции в виде концепции «языковой картины мира» [Шмелев 2002; Зализняк и др. 2005]. К сожалению, эти исследования сосредоточены в основном на лексике и фразеологии, и они лишь в редких случаях касаются грамматики языка и конвенциональных способов использования языковых паттернов (в чем и заключалась первоначальная задумка Уорфа). Опираясь на естественный язык в процессе философствования, мыслитель, предположительно, имеет дело не только с конкретной лексемой и ее смысловым полем, но и с имплицитной метафизикой языка в целом. Таким образом, изучение философского творчества — особенно на ранних этапах его развития — может получить дополнительное измерение, если мы обратимся к реконструкции имплицитной метафизики языка (или «языковой картины мира»).

4.4. Проблема зависимости философствования от грамматики языка представляет наибольший интерес. Если в какой-то традиции мысли на основе специфической грамматики языка выстраивается категориальная система, а сами факты грамматики берутся в качестве несомненных и универсальных истин, то обнаружить это можно, с одной стороны, путем сопоставления с иными философскими традициями (хотя имеется опасность их реинтерпретации в терминах родной традиции), а с другой стороны, с помощью анализа

грамматики данного языка в свете типологии. По-видимому, некоторые рассуждения западных философов — притом довольно авторитетных — делаются с опорой на грамматику их родного языка, и они были бы невозможны или, по крайней мере, менее вероятны среди носителей языков иного типа. Так, Э. Бенвенист демонстрирует, что выделенные Аристотелем категории отражают не структуру действительности, а реалии его родного языка; в языках с иной грамматической системой это могли бы быть другие категории [Бенвенист 1974: 104–114]. Наиболее серьезной проблемой в данном отношении является проблема бытийной связки «есть» и зависящего от нее понятия «бытия». Само по себе наличие спора вокруг «бытийной копулы» в западной логической и онтологической традиции примечательно, поскольку он был бы невозможен среди носителей языков, в которых отсутствует копула (например, адыгейский, маркизский) или функцию копулы выполняет небытийный постуральный глагол и другие лексемы (например, эве, асмаг, энга). В уже упоминавшейся статье Бенвениста демонстрируется, что целая группа функций, которую в древнегреческом языке берет на себя *εἰμί* «есмь», реализуется в языке эве шестью разными лексемами. Идеи Бенвениста развил и несколько модифицировал Ч. Кан, который довольно убедительно показал, что греческая метафизика была бы невозможна без функциональной и семантической специфики глагола *εἰμί*, который наследует специфику индоевропейской праформы **h₁es-* [Kahn 2003]. Вероятно, тот факт, что греческие и более поздние мыслители видят смысловые и функциональные связи между различными в типологическом плане способами употребления бытийного глагола, всецело обусловлен их опорой на паттерны родного языка. Поэтому подробный анализ языкового фундамента, на котором базируются масштабные метафизические и онтологические системы, имеет важность как для прояснения точки зрения мыслителей, выявления ее ограниченности конкретным культурно-языковым пространством, так и для артикуляции более адекватной и лучше соответствующей фактам языкового и культурного многообразия позиции.

Здесь может быть намечено множество потенциально продуктивных исследовательских тем: В какой степени понимание Хайдеггером «бытия» (Sein) обусловлено полифункциональностью индоевропейского бытийного глагола? Насколько понимание Аристотелем энергии (ἐνέργεια) укоренено в грамматических особенностях греческого (и индоевропейского) перфекта? Зависит ли распространенная тенденция трактовать «время» в терминах «пространства» и «движения» от фактов греческого и других индоевропейских языков, где такие метафоры представлены как раз в изобилии? Обусловлен ли анализ Гуссерлем и Хайдеггером времени имеющийся в индоевропейских языках эгоцентрической метафорой времени (будущее как «то, что впереди»; прошлое как «то, что позади»)? Обусловлено ли разделение в западной философской традиции сущности (essentia) и существования (existentia) четкой выделенностью и грамматикализированностью противопоставления имен и глаголов в индоевропейских языках? И т. д. Предположительно, в каких-то случаях решающими окажутся языковые факторы, в каких-то — культурные, в каких-то — вся совокупность факторов (универсальные когнитивные тенденции + их конкретная реализация в языке + особенности культуры), а в каких-то — философствование будет более или менее независимым от указанных факторов. Определить это можно лишь в рамках конкретного исследования.

4.5. Проблема зависимости философствования от структуры языка также представляет интерес в контексте незападных традиций мысли. Как уже указывалось выше, анализ западных традиций способен помочь увидеть ограниченность и культурно-языковую укорененность западной традиции. В то же время он имеет и самостоятельную ценность. В литературе уже были попытки объяснить особенности незападных философских традиций структурной спецификой соответствующих языков. Так, в работах [Graham 1989; Кобзев 2006] высказывается тезис о том, что отсутствие в китайской философии учения об устойчивой «субстанции» и о «вечном настоящем» обусловлено отсутствием в китайском языке аналога индоевропейской бытийной копулы. В недавнем исследовательском проекте под руководством В. Г. Лысенко [2014] обосновывается тезис о том, что развитие атомизма в греческой и индийской философии было обусловлено рефлексией

над фонологическим строем соответствующих индоевропейских языков; при этом специфический фонологический строй китайского языка и способ его письменной фиксации препятствовал становлению атомистической натурфилософии. Здесь также следует упомянуть «логико-смысловой» проект А. В. Смирнова [2015], в котором демонстрируется, что специфика арабо-мусульманской мысли, проявляющаяся в ее «процессуальной» ориентированности, коррелирует со спецификой употребления арабского языка, в частности с активным использованием имени действия (масдара).

Перспективы изучения связи структуры языка и философствования в контексте западных традиций многообразны (притом эта связь может мыслиться и как однонаправленная, и как многовекторная — для конкретного исследования это не так принципиально). В этом свете востребован детальный анализ генезиса и отдельных направлений индийской, китайской и арабо-мусульманской мысли. Кроме того, многообещающим выглядит проект всестороннего изучения единственной философии (или предфилософии) на языке принципиально иного строя — полисинтетическом языке науатль: речь идет о так называемой «философии науа» — особой традиции мысли, сформировавшейся в Центральной Америке и известной как по описаниям миссионеров, так и из аутентичных источников [Леон-Портилья 1961; Бургете 1994].

4.6. Одной из исследовательских задач в рамках пострелятивистской программы является анализ **истории западной логики** через призму языкового разнообразия. Логика претендует на выявление законов мышления (или «базовых механизмов»), однако может оказаться, что она справляется со своей задачей лишь отчасти, а фактически является вторичным языком, надстроенным на базисе естественного языка и отражающим принципы его организации или соответствующую традицию мысли, уже сформированную с опорой на данный язык. Выше упоминалась гипотеза Бенвениста о том, что категории Аристотеля суть не что иное, как концептуализация категорий древнегреческого языка. Кроме того, масштабная дискуссия в логике вокруг бытийной связки «есть», вероятно, является следствием функциональной специфики индоевропейского бытийного глагола. Можно предположить, что такие «метапонятия» логики, как «субъект», «атрибут», «предикат» и др., также зависят от паттернов западных языков. Так, определение категории «субъекта» в классической логике явно обусловлено номинативной стратегией кодирования глагольных актантов, характерной для индоевропейских языков; в языках с эргативной, активной, филиппинской и другими стратегиями кодирования актантов определение «субъекта» было бы иным. Критический анализ западной логики в этой перспективе должен быть комплексным. Без сомнения, какие-то логические процедуры могут отражать базовые механизмы мышления. С другой стороны, языковые тенденции (или универсалии) также могут являться отражением указанных механизмов. Задача исследователя состоит в следующем: во-первых, с опорой на факты лингвистической типологии и экспериментальные материалы когнитологии попытаться выявить базовые механизмы мышления (или хотя бы границы вариаций в этой области); во-вторых, рассмотреть различные логические теории с учетом гипотетических базовых механизмов и особенностей конкретных языков, из которых эти теории вырастают, — тем самым, вероятно, удастся отделить в них универсальное от относительного.

4.7. Таким образом, в рамках рассматриваемой программы проблема «язык и философствование» включает в себя несколько исследовательских направлений, из которых приоритетом обладают следующие:

- 1) анализ укорененности философской лексики в естественном языке и этапов ее специализации, притом с акцентом на «пограничных» случаях, когда слово еще не превратилось в чисто технический термин;
- 2) реконструкция имплицитной метафизики языка и рассмотрение философского творчества через ее призму;
- 3) подробный анализ грамматического языкового фундамента, на котором базируются масштабные метафизические и онтологические системы, выявление факторов, от которых в каждом конкретном случае зависит философствование;

- 4) изучение связи структуры языка и философствования в контексте западных традиций мысли;
- 5) критический анализ истории западной логики через призму лингвистической типологии и западных моделей мышления.

Заключение

Утверждение о влиянии **структуры** естественного языка на познавательные процессы неоднократно высказывалось на протяжении последних нескольких веков, притом в различных научных и социокультурных контекстах. Однако в эмпирическом плане значительный шаг вперед удалось сделать лишь в 1990–2010-е гг., что связано с развитием неорелятивистского направления. Представляется, что на данный момент неорелятивизм — как концептуальная схема — испытывает явные проблемы, что обусловлено его сильной зависимостью от традиции психолингвистического истолкования «гипотезы Сепира – Уорфа», заложенной в 1950-е гг. Леннебергом и его коллегами. Несмотря на огромные успехи в эмпирическом плане, неорелятивизм не способен стать интегральной моделью для осмысления всего сложного комплекса экспериментальных материалов. Мы убеждены, что построение такой модели возможно путем возврата к тем проблемам, которые сформулировал Уорф в 1930-е гг. Эти проблемные темы должны быть переосмыслены в **современном контексте**, т. е. с учетом 1) эмпирических результатов неорелятивизма; 2) эмпирических достижений лингвистической типологии и антропологии; 3) новых работ в функциональной лингвистике, в частности в когнитивной лингвистике; 4) эмпирических результатов симуляционной семантики; 5) парадигматических сдвигов в когнитологии — от классического когнитивизма к посткогнитивизму; 6) эмпирических результатов психологии развития; 7) теоретических и эмпирических работ отечественной психолингвистической школы, особенно в связи с проблемой «внутренней речи». Предварительные попытки построить интегральную модель путем реконтекстуализации идей Уорфа отражены в этой статье. Указанная модель ориентирована не столько на поиск релятивистских эффектов (на чем были сосредоточены неорелятивисты), сколько на анализ **места языка в когнитивной архитектуре, локализованной в конкретном социокультурном контексте**. Такая переориентация действительно необходима, поскольку роль языка может оказаться лингвоспецифичной и культурноспецифичной, т. е. в каком-то смысле уникальной для каждого сообщества. Тем не менее этот подход не исключает и универсальных тенденций, о которых, впрочем, можно судить лишь на основе большого числа исследований. Учитывая глобализационные процессы и «эрозию» типичных для малых сообществ способов функционирования языка (как и гибель самих языков), необходимо подчеркнуть важность именно **полевых исследований**, притом с использованием того широкого спектра возможностей, которые предоставляет в наше время когнитивная наука.

Стоит отметить, что интегральные полевые исследования, которые включали бы в себя всесторонний анализ места языка в конкретной когнитивной архитектуре, все еще единичны. Благодаря Левинсону и его коллегам по CARG их число увеличилось в сравнении с нач. 1990-х гг., однако наш опыт общения с отечественными и зарубежными лингвистами (как и анализ общей атмосферы в этой области науки) показывает, что в лингвистической среде по-прежнему отсутствует осознание значимости подобных исследований. Здесь мы имеем дело с искусственно установленными дисциплинарными барьерами, которые якобы должны преодолеваются с помощью дополнительного усилия — за счет введения «междисциплинарности», которая узким специалистам не всегда кажется оправданной. Но существуют ли подобные барьеры между самими изучаемыми объектами? Еще в 1924 г. Сепир предлагал рассматривать язык как хранилище сетей психических актов, а главную задачу лингвиста видеть в изучении «отражения внутренней структуры

языка в бессознательных психических процессах» [Сепир 1993: 250]. Эта идея была подхвачена Уорфом в его проекте «конфигурационной лингвистики», в рамках которого изучение языков неизбежно должно трансформироваться в изучение ментальностей [Lee 1996: 143–159]. Определение, согласно которому конечной целью лингвистики является анализ мышления, не чуждо и Хомскому, пусть оно и сделано в иной теоретической парадигме [Хомский 1972]. На новый уровень этот тезис был поднят когнитивными лингвистами, которые представили языковые операции в качестве частного случая более общих когнитивных операций. Один из крупнейших представителей функционализма, У. Крофт, прямо утверждает, что главной задачей лингвистики должно являться изучение концептуального пространства как своего рода «географии человеческого разума» [Croft 2001: 364]. Подобные примеры, на самом деле, можно приумножить. Тем не менее столь глубокое понимание задач лингвистики, к сожалению, остается уделом одиночек — лингвистов-теоретиков и лингвистов-философов; оно не получает распространения среди большинства ученых, и это, вероятно, объясняется тем, что до недавнего времени отсутствовали эмпирические исследования, наглядно подтверждающие плодотворность взаимодействия лингвистики и других наук о познании. Сейчас ситуация изменилась принципиальным образом. Можно с уверенностью утверждать, что на высшей стадии теоретической рефлексии наука о языке неотделима от других наук о познании, в том числе от философии. На высшей стадии такой рефлексии объекты этих наук сближаются, а порой и вовсе совпадают. Поэтому для глубокого осмысления места языка в когнитивной архитектуре необходимо приложить как можно больше усилий к такой «предельной» рефлексии, которая требует от лингвистов обращения к когнитологии, от когнитологов — обращения к лингвистике, а от философов — обращения и к тому, и к другому.

Модель взаимосвязи языка и когнитивности, в которой утверждается релевантность лексико-грамматических паттернов языка для организации перцептивных и ментальных процессов, предполагает множество разнообразных исследовательских тем и направлений. Мы выделили лишь те, которые кажутся нам сейчас наиболее перспективными. Очевидно, сам лингвистический подход, который все-таки доминирует в данном случае, также нуждается в прояснении и глубоком осмыслении (особенно это касается вопроса о фундаментальной обусловленности «метаязыка» и инструментария лингвистики). Однако эта тема потребовала бы написания отдельной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс, 1974. [Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress, 1974].
- Блэк 1960 — Блэк М. Лингвистическая относительность (Теоретические воззрения Бенджамена Л. Уорфа). Пер. с англ. *Новое в лингвистике*. Вып. 1. Звегинцев В. А. (ред.). М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1960, 199–214. [Black M. Linguistic relativity: The views of Benjamin Lee Whorf. *The Philosophical Review*, 1959, 68(2): 228–238.]
- Бородай 2013 — Бородай С. Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации. *Вопросы языкознания*, 2013, 4: 17–54. [Boroday S. Yu. The problem of linguistic relativity today: Studies in spatial conceptualization. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 4: 17–54.]
- Бородай 2019 — Бородай С. Ю. *Язык и познание: Введение в пострелятивизм*. М.: ООО Садра; Издательский дом ЯСК, 2019. [Boroday S. Yu. *Yazyk i poznanie: Vvedenie v postrelyativizm* [Language and cognition: An introduction to the postrelativism]. Moscow: Sadra LLC; YaSK Publishing House, 2019.]
- Бургете 1994 — Бургете А. Р. К вопросу о философской мысли мезоамериканских цивилизаций. *Историко-философский ежегодник 1992*. М.: Наука, 1994, 77–101. [Burguete A. R. On the philosophical thought of Mesoamerican civilizations. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 1992*. Moscow: Nauka, 1994, 77–101.]

- Верани 2010 — Верани А. Роль внутренней речи в высших психических процессах. *Культурно-историческая психология*, 1: 7–17. [Verani A. The role of inner speech in higher psychological processes. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 1: 7–17.]
- Зализняк и др. 2005 — Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key notions of the Russian linguistic worldview]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2005.]
- Кобзев 2006 — Кобзев А. И. Общемировоззренческие следствия отсутствия связки «быть» («есть») и понятия «бытие». *Духовная культура Китая. Философия*. Титаренко М. Л., Кобзев А. И., Лукьянов А. Е. (ред.). М.: Восточная литература, 2006, 120–126. [Kobzev A. I. General worldview consequences of the absence of the copula 'to be' and of the concept of 'existence'. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya. Filosofiya*. Titarenko M. L., Kobzev A. I., Luk'yanov A. E. (eds.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006, 120–126.]
- Лакофф 2004 — Лакофф Дж. *Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении*. Пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.]
- Лакофф, Джонсон 2004 — Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.]
- Леон-Портилья 1961 — Леон-Портилья М. *Философия нагуа. Исследование источников*. Пер. с исп. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1961. [León-Portilla M. *La filosofía Náhuatl: Estudiada en sus fuentes*. México: Instituto Indigenista Interamericano, 1956.]
- Лосев 1994 — Лосев А. Ф. *История античной эстетики*. Том VIII. Книга 2. М.: Искусство, 1994. [Losev A. F. *Istoriya antichnoi estetiki* [History of ancient aesthetics]. Vol. VIII. Book 2. Moscow: Iskustvo, 1994.]
- Лурия 1979 — Лурия А. Р. *Язык и сознание*. М.: Изд-во МГУ, 1979. [Luria A. R. *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1979.]
- Лысенко 2014 — Лысенко В. Г. Генезис учения об атомах как проблема языка и мышления. *Вопросы философии*, 2014, 6: 9–28. [Lysenko V. G. The genesis of atomistic theory as a problem of language and thought. *Voprosy filosofii*, 2014, 6: 9–28.]
- Пинкер 2004 — Пинкер С. *Язык как инстинкт*. Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Pinker S. *The language instinct: How the mind creates language*. New York: William Morrow & Co., 1994.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku* [Introduction to grammatical semantics]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Радченко 2005 — Радченко О. А. *Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства*. М.: Едиториал УРСС, 2005. [Radchenko O. A. *Yazyk kak mirosozidanie: Lingvofilosofskaya kontseptsiya neogumbol'dtianstva* [Language as world creation: Linguo-philosophical foundations of Neo-Humboldtianism]. Moscow: Editorial URSS, 2005.]
- Рахилина 1998 — Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты. *Семiotика и информатика*, 1998, 36: 274–322. [Rakhilina E. V. Cognitive semantics: History, personalia, ideas, results. *Semiotika i informatika*, 1998, 36: 274–322.]
- Сепир 1928/1993 — Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.: Прогресс, 1993. [Sapir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii* [Selected writings in language and culture]. Moscow: Progress, 1993.]
- Скребцова 2011 — Скребцова Т. Г. *Когнитивная лингвистика*. Курс лекций. СПб.: СПбГУ, 2011. [Skrebtsova T. G. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2011.]
- Смирнов 2015 — Смирнов А. В. *Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Smirnov A. V. *Soznanie. Logika. Yazyk. Kul'tura. Smysl* [Consciousness. Logic. Language. Culture. Meaning]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Соколов 2007 — Соколов А. Н. *Внутренняя речь и мышление*. М.: URSS, 2007. [Sokolov A. N. *Vnutrennyaya rech' i myshlenie* [Inner speech and thinking]. Moscow: URSS, 2007.]
- Хаймс 1975 — Хаймс Д. Х. Два типа лингвистической относительности. Пер. с англ. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 7. Чегоданов Н. С. (ред.). М.: Прогресс, 1975, 229–298. [Hymes D. H. Two types of linguistic relativity. *Sociolinguistics: Proc. of the UCLA Sociolinguistics Conference 1964*. The Hague: Mouton, 1966, 114–167.]

- Хомский 1968/1972 — Хомский Н. *Язык и мышление*. Пер. с англ. М.: МГУ, 1972. [Chomsky N. *Language and mind*. 1st edn. New York: Harcourt, Brace & World, 1968.]
- Шмелев 2002 — Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Shmelev A. D. *Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost'* [The Russian language and extralinguistic reality]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002].
- Якобсон 1985 — Якобсон Р. О. *Избранные работы*. М.: Прогресс, 1985. [Jakobson R. O. *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow: Progress, 1985.]
- Baddeley 2012 — Baddeley A. Working memory: Theories, models, and controversies. *Annual Review of Psychology*, 2012, 63: 1–29.
- Barsalou 1999 — Barsalou L. Perceptual symbol systems. *Brain and Behavioural Sciences*, 1999, 22: 577–660.
- Barsalou 2008 — Barsalou L. Grounded cognition. *Annual Review of Psychology*, 2008, 59: 617–645.
- Boutonnet et al. 2012 — Boutonnet B., Athanasopoulos P., Thierry G. Unconscious effects of grammatical gender during object categorisation. *Brain Research*, 2012, 1479: 72–79.
- Bowerman 2011 — Bowerman M. Linguistic typology and first language acquisition. *The Oxford handbook of linguistic typology*. Song J. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2011, 591–617.
- Brown 2006 — Brown P. Cognitive anthropology. *Language, culture, and society: Key topics in linguistic anthropology*. Jourdan Ch., Tuite K. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006, 96–114.
- Carroll 1963 — Carroll J. B. Linguistic relativity, contrastive linguistics and language learning. *International Review of Applied Linguistics*, 1963, 1: 1–20.
- Choi, Hattrup 2012 — Choi S., Hattrup K. Relative contribution of perception/cognition and language on spatial categorization. *Cognitive Science*, 2012, 36: 102–129.
- Clark 2008 — Clark A. *Supersizing the mind: Embodiment, action and cognition extension*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Croft 2001 — Croft W. *Radical Construction Grammar. Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
- Croft, Cruze 2004 — Croft W., Cruze D. A. *Cognitive linguistics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Dasen, Mishra 2010 — Dasen P., Mishra R. *Development of geocentric spatial language and cognition*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
- Everett 2008 — Everett C. Evidence for language-mediated thought in the perception of non-gendered figures. *Texas Linguistic Forum*, 2008, 52: 24–33.
- Everett 2012 — Everett C. Independent cross-cultural data reveal linguistic effects on basic numerical cognition. *Language and Cognition*, 2012, 5(1): 99–104.
- Everett 2013 — Everett C. *Linguistic relativity: Evidence across languages and cognitive domains*. Berlin: Walter De Gruyter, 2013.
- Fausey, Boroditsky 2011 — Fausey C., Boroditsky L. Who dunnit? Cross-linguistic differences in eye-witness memory. *Psychonomic Bulletins & Review*, 2011, 18: 150–157.
- Fodor 1983 — Fodor J. *The modularity of mind: An essay on faculty psychology*. Cambridge (MA): MIT Press, 1983.
- Friedrich 1986 — Friedrich P. *The language parallax: Linguistic relativism and poetic indeterminacy*. Austin (TX): Univ. of Texas, 1986.
- Geeraerts, Cuyckens 2007 — Geeraerts D., Cuyckens H. Introducing cognitive linguistics. *The Oxford handbook of cognitive linguistics*. Geeraerts D., Cuyckens H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 1–24.
- Gentner 2003 — Gentner D. Why we're so smart. *Language in mind: Advances in the study of language and thought*. Gentner D., Goldin-Meadow S. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2003, 195–236.
- Gilbert et al. 2006 — Gilbert A., Regier T., Kay P., Ivry R. Whorf is supported in the right visual field but not the left. *Proc. of the National Academy of Sciences*, 2006, 103: 489–494.
- Gleitman, Papafragou 2013 — Gleitman L., Papafragou A. Relations between language and thought. *The Oxford handbook of cognitive psychology*. Reisberg D. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013, 504–523.
- Glenberg, Gallese 2012 — Glenberg A., Gallese V. Action-based language: A theory of language acquisition, comprehension, and production. *Cortex*, 2012, 48: 905–922.
- Gomila 2012 — Gomila T. *Verbal minds: Language and the architecture of cognition*. Amsterdam: Elsevier, 2012.
- Gomila, Calvo 2008 — Gomila T., Calvo P. Directions for an embodied cognitive science: Toward an integrated approach. *Handbook of cognitive science: An embodied approach*. Calvo P., Gomila T. (eds.). Amsterdam: Elsevier, 2008, 1–20.

- Graham 1989 — Graham A. C. *Disputers of the Tao: Philosophical argument in ancient China*. Chicago: Open Court, 1989.
- Hanks 1990 — Hanks W. *Referential practice: Language and lived space among the Maya*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1990.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies. *Language*, 2010, 86 (3): 663–687.
- Hengeveld, Mackenzie 2008 — Hengeveld K., Mackenzie J. L. *Functional Discourse Grammar: A typologically-based theory of language structure*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Hill, Mannheim 1992 — Hill J., Mannheim B. Language and world view. *Annual Review of Anthropology*, 1992, 21: 381–406.
- Hoijer (ed.) 1954 — Hoijer H. (ed.). *Language in culture*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1954.
- Holyoak, Morrison 2012 — Holyoak K. J., Morrison R. G. (eds.). *The Oxford handbook of thinking and reasoning*. New York: Oxford Univ. Press, 2012.
- Huettenlocher et al. 2012 — Huettenlocher S., Winter B., Matlock T., Spivey M. Processing motion implied in language: Eye-movement differences during aspect comprehension. *Cognitive Processing*, 2012, 13: 193–197.
- Johnson 1987 — Johnson M. *The body in the mind*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.
- Kahn 2003 — Kahn Ch. *The verb 'Be' in Ancient Greek*. London: Hackett Publishing Company, 2003.
- Kay, Kempton 1984 — Kay P., Kempton W. What is the Sapir-Whorf hypothesis? *American Anthropologist*, 1984, 86: 65–79.
- Klein et al. 2013 — Klein D., Mok K., Chen J., Watkins K. Age of language learning shapes brain structure: A cortical thickness study of bilingual and monolingual individuals. *Brain & Language*, 2013, 131: 20–24.
- Koerner 2000 — Koerner E. F. Towards a 'full pedigree' of 'Sapir-Whorf hypothesis': From Locke to Lucy. *Explorations in Linguistic Relativity*. Pütz M., Verspoor M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2000, 1–24.
- Kuhl 2010 — Kuhl P. Brain mechanisms in early language acquisition. *Neuron*, 2010, 67: 713–727.
- Langacker 1976 — Langacker R. W. Semantic representations and the linguistic relativity hypothesis. *Foundations of Language*, 1976, 14(3): 307–357.
- Le Guen 2011 — Le Guen O. Speech and gesture in spatial language and cognition among the Yucatec Mayas. *Cognitive Science*, 2011, 35: 905–938.
- Leavitt 2006 — Leavitt J. Linguistic relativities. *Language, culture and society*. Jourdan Ch., Tuite K. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006, 47–81.
- Lee 1996 — Lee P. *The Whorf Theory Complex. A critical reconstruction*. Amsterdam: John Benjamins, 1996.
- Lee, Schwarz 2012 — Lee S., Schwarz N. Bidirectionality, mediation, and moderation of metaphorical effects: The embodiment of social suspicion and fishy smells. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012, 103: 737–749.
- Levinson 2003 — Levinson S. C. *Space in language and cognition*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Lucy 1992 — Lucy J. *Language diversity and thought. A reformulation of the linguistic relativity hypothesis*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.
- Lucy 1997 — Lucy J. The linguistics of "color". *Color categories in thought and language*. Hardin C. L., Maffi L. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997, 320–346.
- Lupyan 2012a — Lupyan G. Linguistically modulated perception and cognition: The label-feedback hypothesis. *Frontiers in Psychology*, 2012, 3(54): 1–13.
- Lupyan 2012b — Lupyan G. What do words do? Toward a theory of language-augmented thought. *Psychology of Learning and Motivation*, 2012, 57: 255–297.
- Majid et al. 2004 — Majid A., Bowerman M., Kita S., Haun D., Levinson S. C. Can language restructure cognition? The case for space. *Trends in Cognitive Sciences*. 2004, 8(3): 108–114.
- Malt, Wolff 2010 — Malt B., Wolff Ph. (eds.). *Words and the mind: How words capture human experience*. New York: Oxford Univ. Press, 2010.
- Matlock 2010 — Matlock T. Abstract motion is no longer abstract. *Language and Cognition*, 2010, 2: 243–260.
- Meteyard et al. 2012 — Meteyard L., Cuadrado S., Bahrami B., Vigliocco G. Coming of age: A review of embodiment and the neuroscience of semantics. *Cortex*, 48: 788–804.
- Miles et al. 2010 — Miles L., Nind L., Macrae C. Moving through time. *Psychological Science*, 2010, 21: 222–223.

- Núñez, Cooperrider 2013 — Núñez R., Cooperrider K. The tangle of space and time in human cognition. *Trends in Cognitive Sciences*, 2013, 17(5): 220–229.
- Pavlenko 2014 — Pavlenko A. *The Bilingual Mind... and what it tells us about language and thought*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014.
- Penn 1972 — Penn J. *Linguistic relativity versus innate ideas: The origins of the Sapir–Whorf hypothesis in German thought*. The Hague: Mouton, 1972.
- Pinker 2007 — Pinker S. *The stuff of thought: Language as a window into human nature*. London: Penguin Books Ltd, 2007.
- Regier, Kay 2009 — Regier T., Kay P. Language, thought and color: Whorf was half right. *Trends in Cognitive Sciences*, 2009, 13(10): 439–446.
- Roberson et al. 2000 — Roberson D., Davies I., Davidoff J. Color categories are not universal: Replications and new evidence from a Stone-age culture. *Journal of Experimental Psychology*, 2000, 129: 369–398.
- Roberson, Hanley 2010 — Roberson D., Hanley J. Relatively speaking: An account of the relationship between language and thought in the color domain. *Words and the mind: How words capture human experience*. Malt B., Wolff Ph. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010, 165–182.
- Silverstein 1979 — Silverstein M. Language structure and linguistic ideology. *The elements: A parasesion on linguistic units and levels*. Clyne P., Hanks W., Hofbauer C. (eds.). Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979, 193–247.
- Sinha et al. 2011 — Sinha C., Sinha V., Zinken J., Sampaio W. When time is not space: The social and linguistic construction of time intervals and temporal event relations in an Amazonian culture. *Language and Cognition*, 2011, 3: 137–169.
- Slobin 2003 — Slobin D. Language and thought online: Cognitive consequences of linguistic relativity. *Language in mind: Advances in the study of language and thought*. Gentner D., Goldin-Meadow S. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2003, 157–192.
- Spelke 2003 — Spelke E. What makes us smart? Core knowledge and natural language. *Language in mind: Advances in the study of language and thought*. Gentner D., Goldin-Meadow S. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2003, 277–312.
- Spelke, Tsivkin 2001 — Spelke E., Tsivkin S. Initial knowledge and conceptual change: Space and number. *Language acquisition and conceptual development*. Bowerman M., Levinson S. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001, 70–100.
- Strömquist, Verhoeven 2004 — Strömquist S., Verhoeven L. (eds.). *Relating events in narrative. Vol. 2: Typological and contextual perspectives*. New Jersey: Erlbaum, 2004.
- von Stutterheim et al. 2012 — von Stutterheim C., Andermann M., Carroll M., Flecken M., Schmiedtová B. How grammaticized concepts shape event conceptualization in language production: Insights from linguistic analysis, eye tracking data, and memory performance. *Linguistics*, 2012, 50(4): 833–867.
- Tosun et al. 2013 — Tosun S., Vaid J., Geraci L. Does obligatory linguistic marking of source of evidence affect source memory? A Turkish/English investigation. *Journal of Memory and Language*, 2013, 69(2): 121–134.
- de Villiers J., de Villiers P. 2009 — de Villiers J., de Villiers P. Linguistic determinism and the understanding of false beliefs. *Children's reasoning and the mind*. Mitchell P., Riggs K. (eds.). Hove: Psychology Press, 2000, 191–226.
- Wassmann, Dasen 1998 — Wassmann J., Dasen P. Balinese spatial orientation: Some empirical evidence of moderate linguistic relativity. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 1998, 4: 689–711.
- Whorf 1956 — Whorf B. L. *Language, thought, and reality: Selected writings by Benjamin Lee Whorf*. Cambridge (MA): MIT Press, 1956.
- Wilson, Gibbs 2007 — Wilson N., Gibbs R. Real and imagined body movement primes metaphor comprehension. *Cognitive Science*, 2007, 31: 721–731.
- Winawer et al. 2007 — Winawer J., Witthoft N., Frank M., Wu L., Boroditsky L. Russian blues reveal effects of language on color discrimination. *Proc. of the National Academy of Sciences*, 2007, 104: 7780–7785.
- Zwaan 2004 — Zwaan R. The immersed experiencer: Toward an embodied theory of language comprehension. *The Psychology of Learning and Motivation*. Vol. 44. Ross B. (ed.). New York: Academic Press, 2004, 35–62.
- Zwaan et al. 2010 — Zwaan R., Taylor L., de Boer M. Motor resonance as a function of narrative time: Further tests of the linguistic focus hypothesis. *Brain & Language*, 2010, 112: 143–149.